

Цусимские хроники. Новые земли

Автор:

[Сергей Протасов](#)

Цусимские хроники. Новые земли

Сергей Альбертович Протасов

Военная фантастика (АСТ)Цусимские хроники #2

После успешного прорыва во Владивосток на Вторую тихоокеанскую эскадру пролился дождь наград. Сам Рожественский оказался удостоен титула наместника императора на Дальнем Востоке. Это позволило ему достаточно быстро ввести в крепости Владивосток и ее окрестностях новые порядки, ставшие уже привычными на эскадре. Но недостаточная оснащенность и сложности со снабжением единственной базы флота ставят под угрозу продолжение кампании. После своевременного ввода в дело подводных лодок и аэростатов новому наместнику и его команде удастся удержать инициативу в своих руках и начать наступление на Японскую империю. И все пути снова ведут к Цусиме.

Сергей Протасов

Цусимские хроники. Новые земли

© Сергей Протасов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть первая

Мы прошли сквозь японцев, но много еще не умели,

Нагло лезли в проливы и сажали на мель крейсера.

Но покрылись мозолями руки, мы в учебе потели,

Чтоб исправить успеть то, что нормой считалось вчера.

...

А на Цусимских островах цветы

Невероятной красоты!

...

Дома

Дома

Глава 1

С получения известия о прибытии флота в залив Посьета и до того момента, когда вторая эскадра пришла во Владивосток, в порту творилась невообразимая суета. Срочно тралились повторно уже проверенные фарватеры, готовились места стоянок у стенок и в бухте Золотой Рог, очищались и подкрашивались причалы. Все плавсредства приводились в готовность, а что не могло быть полезным, убиралось с глаз долой. О суровом нраве Рождественского уже ходило множество слухов, поэтому даже ночью продолжалась подготовка к встрече эскадры, победившей грозного адмирала Того. Только к утру все потихоньку успокоилось.

Когда с батареи на мысе Таран сообщили, что видят на юго-западе множество дымов, вероятно, принадлежащих приближающейся эскадре, все военное и городское начальство начало съезжаться в порт. Слух об этом моментально распространился по Владивостоку. Толпы народа быстро заполнили все возвышенности вокруг Саперной и Иннокентьевской батарей. Множество лодок, баркасов, шаланд и прочей плавучей мелочи заполнило пространство гавани, медленно перемещаясь в пролив Босфор Восточный и двигаясь к Амурскому заливу. Все спешили скорее увидеть эскадру, которую ждали так долго.

Броненосцы и крейсера уже были достаточно хорошо видны с берега. Обладатели биноклей и зрительных труб могли даже разглядеть разрушения на головных, о чем рассказывали окружающим. Вокруг них быстро начали кучковаться горожане, желавшие скорее услышать подробности.

Несколько судов ближе к хвосту колонны шли с явным креном, но все двигались своим ходом и строй держали ровно. Не доходя до западного устья Босфора Восточного, эскадра начала разделяться. Большая ее часть медленно, словно преодолевая боль или усталость, втягивалась в бухту Новик. До них добраться встречающие не успели. Оставшиеся четыре больших корабля, сопровождаемые несколькими пароходами и обступившими их со всех сторон суденышками, входили в гавань порта.

Транспорты имели весьма затасканный вид. Краску с них смыло волнами, борта помяты, да к тому же в многочисленных разводах ржавчины. Но те, кого они сопровождали, выглядели гораздо хуже. В двух головных с трудом можно было узнать сравнительно недавно ушедших в море четырехтрубных красавцев «Россию» и «Громобой». Следом шел «Ослябя», сильно севший в воду носом, а за ним изуродованный до неузнаваемости, почти сплошь закопченный до угольной черноты, а кое-где обгоревший до заводского сурика «Князь Суворов».

Всеобщий восторг несколько угас при виде разодранных в клочья бортов и надстроек, исковерканных и многократно пробитых труб и дефлекторов вентиляторов и обрывков рангоута. Закопченная и обгоревшая корма госпитальной «Костромы», с наполовину облезшим от жара большим красным крестом на ней, вызвала множество пересудов. Зрелище и в самом деле было тяжелым, даже не смотря на частично закрытые деревом и парусиной дыры, выброшенные в море обломки трапов, надстроек и мостиков, смытую и соскобленную, где было возможно, копоть, разводы угольной грязи и крови.

С приходом кораблей суматохи стало еще больше. В первую очередь начали разгружать госпитальные суда. Жаждающих сенсаций журналистов, сразу ринувшихся вперед, быстро оттеснили в сторону подошедшие к стенке на шлюпках матросы с «Громобоя» под командой двух офицеров. Не добравшись до медиков и раненых, журналисты попытались взять в оборот командовавших оцеплением офицеров.

Но молодые лейтенанты в отчищенных и отглаженных мундирах с посеревшими от усталости лицами не были склонны общаться с прессой. На все вопросы они отвечали только обещаниями дать интервью позже. Просили дать перевести дух после боя. Так и не удовлетворив профессионального любопытства, они вскоре отбыли обратно, приставив для охраны приунывшей пишущей братии пару жандармов. Так репортеры и простояли до самого вечера, ожидая, когда к ним выйдет хоть кто-нибудь из начавших съезжать на берег офицеров. Отвлекать занятых в работах эскадренных грузчиков, солдат или матросов из охраны пленных жандармы не позволяли.

После перевозки раненых и пленных места у стенок освободили для боевых кораблей. Тут уж писакам было чем заняться и без интервью. Быстренько набросав в блокнотах очерки о страшных дырах в выгоревших высоких бортах, наспех заткнутых чем попало, добавив к этому мало-мальски посчитанное количество раненых и пленных, переправку которых они могли видеть краем глаза, журналисты, один за другим, мчались на телеграф, где сразу же образовалось столпотворение. Чтобы избежать парализации связи, руководство телеграфа было вынуждено ввести ограничение на количество слов, отправляемых в телеграмме одним человеком.

Едва эскадра встала на якорь, начальника порта контр-адмирала Грече вызвали на борт флагманского броненосца «Орел». Терзаемый недобрыми предчувствиями перед встречей с Рождественским, он подготовился как мог, захватив с собой солидную папку бумаг, но вместо грозного адмирала предстал перед его штабом. В адмиральском салоне в течение получаса он был «накачан» на предмет срочности и важности ремонтных работ.

Затем там же он встретился со всеми механиками эскадры и принял от них уже составленные заявки на необходимые материалы, а от Политовского чертежи некоторых деталей, изготовлением которых в литейных и кузнечных мастерских базы надлежало заняться в первую очередь. В общих чертах был составлен график работ, исходя из возможностей Владивостокского порта, обеих

плавмастерских, пришедших с эскадрой, имевшихся в порту бригад, материалов и ремонтных средств.

В этом импровизированном совещании принимали участие все старшие офицеры штаба Рождественского и инженерный корпус эскадры в полном составе. Стиль совещания оказался для Гreve совершенно непривычным и каким-то стремительным. Контр-адмирала, начальника порта никто не спрашивал, сможет ли он обеспечить то, что от него требовали. Его просто спросили, что он имеет, а затем уже только ставили задачи, обозначая конкретные сроки с оглядкой на какие-то свои, невероятные нормы производительности. Правда обещали помочь знающими людьми из машинных команд и трюмных дивизионов кораблей, не занятых в боевой подготовке.

А возможности порта, между тем, были весьма и весьма скромными. Единственный сухой док, пригодный для обслуживания крупных кораблей, был сейчас занят «Богатырем» заканчивавшим ремонт после навигационной аварии. Два небольших плавучих дока годились только для обслуживания миноносцев, а новый сухой док еще не был закончен.

Хотя перемычку, отделявшую его от гавани, начали рыть сразу же после ухода «России» и «Громобоя» к Рождественскому, в нем все еще шел монтаж оборудования, постоянно задерживавшийся из-за срывов поставок. Привезенный эскадрой разборный кессон еще требовалось собрать и довести до рабочего состояния, что требовало не малого времени. В таких условиях ремонт мог затянуться.

Правда, благодаря постоянно прибывавшим из европейской части страны квалифицированным рабочим, дополнительным материалам и станкам, отправляемым из Лазаревского адмиралтейства, Петербурга и Сормова, численность мастеровых в последнее время значительно увеличилась. Теперь имелась возможность организовать почти круглосуточную работу в мастерских порта в две длинные смены. Были оборудованы артиллерийские и снарядные мастерские, существенно расширены литейные и кузнечные производства.

Благодаря всему этому, в последнее время работы на «Богатыре» заметно ускорились, и он уже через несколько дней должен был выйти на пробу машин. Немного поразмыслив, Гreve решил, что уложиться в отведенные флотским командованием три недели на восстановление боеспособности основной части флота шансы все-таки были.

После совещания контр-адмирал в растрепанных чувствах отбыл на берег обеспечивать первоочередную выгрузку частей разборного кессона и формировать бригаду для скорейшей его сборки и подготовки прочего доставленного оборудования. Так же ему надлежало в срочном порядке озаботиться созданием условий для максимально безопасной стоянки в порту наиболее пострадавших «Осляби», «Суворова», «Громобоя» и «России». Из-за сильных повреждений они все еще могли затонуть в любую минуту.

Сразу после швартовки к ним подошли все имевшиеся буксирные суда, доставившие дополнительные водоотливные средства и подменные команды. Уже к десяти часам вечера стало ясно, что их гарантированно удастся удержать на плаву. Только после этого, когда весь остальной флот был размещен на местах своих стоянок и организована его надежная охрана, начались увольнения на берег.

Отпускали всех желающих, свободных от вахты. Однако ожидавшегося разгула в эту ночь так и не произошло. Все стихло само собой, даже не успев толком начаться. Измотанные и издерганные до последней крайности люди уже просто не имели сил, чтобы как следует отметить окончание своего бесконечного похода. Кто-то просто засыпал, едва выпив первые две-три чарки. Кто-то срывался в слезы, и их уводили на свои корабли. Были и такие, кто, неприкаянно побродив по улицам, посидев в нескольких заведениях и так и не найдя, чем себя потешить, возвращались обратно в каюты и кубрики.

Зато на следующий день «веселье» началось с самого утра. С начала девятого часа утра из ворот порта потек ручеек из офицеров и матросов, и даже мастеровых с «Камчатки» и «Ксении». Несмотря на то, что Грече был категорически против предоставления выходных дней всем задействованным в ремонте кораблей, Рождественский провел через свой штаб приказ о предоставлении наиболее отличившимся рабочим трех дней отдыха. А также премировании всех ремонтных бригад, обеспечивших переход эскадры, в размере годового жалованья с выплатой этой суммы из призовых денег, причитающихся за приведенные в базу трофейные суда.

Также было озвучено его предложение обеспечить всех квалифицированных рабочих с плавмастерских жильем и небольшой суммой подъемных денег, в случае если они решат остаться во Владивостоке. Доставку их семей из европейской части России Рождественский также планировал организовать из

призового фонда за казенный счет. Несмотря на все последние пополнения, рабочих рук в порту было все еще недостаточно, и решать этот вопрос нужно было немедленно, причем с прицелом на перспективу.

Растекаясь по улицам, ручеек желающих отдохнуть не ослабевал до обеда, когда увольнения на берег вынужденно прекратили. К этому времени весь город уже гудел, как растревоженный улей. Полиция не успевала прекращать драки и погромы, вспыхивавшие во всех уголках Владивостока.

Было решено ввести в город войска, а до их прибытия местные власти попросили помощи у флотских. С половины первого и до ночи в город для наведения порядка отправили по полуроте матросов, усиленной всеми свободными от вахты офицерами, с каждого корабля первого ранга, однако окончательно справиться с разгулом удалось только к утру.

Слава богу, обошлось без стрельбы, но и без этого, дорвавшиеся до свободы и чуток очухавшиеся от переутомления матросы и работяги успели наворотить таких дел, что полицейский участок, гарнизонная гауптвахта и городская тюрьма были набиты потенциальными героическими каторжанами под завязку. И это не считая тех, что сумели, набедокурив, тишком вернуться на свои корабли и скрыться в жилых палубах.

После усмирения «вольные» увольнительные прекратили, введя лишь двухчасовое посещение берега. Да и то оба следующих дня, оставшихся от дарованных выходных, матросы могли сойти со своего корабля только группой в два-три десятка человек в сопровождении одного или двух офицеров и исключительно для устранения следов погромов и кутежей. Лишь благодаря этим мерам в городе воцарился порядок. Но Рождественский ничего этого не знал.

Приведя свою эскадру во Владивосток и не потеряв после боя ни одного вымпела из ее состава, он первым делом, на минном катере совершил обход всех кораблей, стоявших в порту и в бухте Новик, проверяя надежность и эффективность их охраны, а также условия для отдыха команд.

Из-за сильных разрушений наиболее пострадавших больших броненосных крейсеров «Ослябя» и «Суворов» часть экипажей он планировал разместить в казармах на берегу, где для них еще нужно было создать необходимые

условия. Связаться с береговым начальством сразу не удалось, а ждать он был не намерен, поэтому отправился во флотский экипаж лично.

Прибыв в казармы, он был приятно удивлен, когда узнал, что там уже всю распоряжался командир Сибирского флотского экипажа и по совместительству командир крейсера «Громобой» капитан второго ранга Шульц. Из-за бюрократических неувязок, он, уйдя в дальний поход, все еще не был освобожден от обязанностей на берегу.

Сам только что с похода и из боя, Шульц оставался на корабле, чтобы организовать все необходимые работы на месте, а через посыльных одновременно озадачил подчиненную ему тыловую интендантскую службу обеспечением дополнительного питания и выкраиванием нужной жилплощади, уплотняя кубрики в расчете на все освобождавшиеся экипажи. К прибытию Рождественского для матросов уже все было готово, так что никаких дополнительных распоряжений не потребовалось.

Дозоры рейда бухты Новик, где были размещены броненосцы, крейсера и транспорты, чья плавучесть не вызывала опасений, командующий осмотрел в сопровождении капитана второго ранга Семенова, исполнявшего обязанности коменданта рейда, до передачи этих полномочий чинам из местной крепостной администрации, что должно было состояться в ближайшее время после соответствующего инструктажа.

Поскольку на катере, на котором командующий эскадрой совершал свой обход, по его приказу не было поднято никаких отличительных знаков, удалось спокойно и достаточно дотошно осмотреть все к наступлению темноты, не теряя время на приветствия. В общем и целом Рождественский всем остался доволен, распорядившись всю маскировку и бутафорию пока оставить без изменений. На всякий случай.

Вернувшись на флагман уже затемно, он провел совещание со своим штабом, выяснив, как налаживаются отношения с берегом. Потом распустил всех «по домам» спать, а сам еще около часа что-то писал, после чего принял ванну и лег в постель, впервые за последние две недели. В шутку наказав денщику будить его, только если ко дну пойдём, или лично император пожалует, он спокойно уснул, проспав несколько дней.

Глава 2

В ночь с 24 на 25 мая «Богатырь» досрочно вывели из дока. Хотя на нем все еще продолжались работы с трюмным оборудованием и артиллерией, на рассвете 25 мая он вышел из пролива Босфор Восточный на пробу машин. Несмотря на ранний час, пополнение флота встречали многотысячные крики «ура» с берега и кораблей, а в воздух летели бескозырки, фуражки и кепки.

Когда волна, разведенная его корпусом, докатилась до бухты Новик, где стоял действующий флот, и мачты броненосцев и крейсеров чуть кивнули своему возродившемуся собрату, Зиновий Петрович наконец проснулся. Утро было тихим и солнечным, как на заказ.

Командующий, приняв обычные утренние процедуры, поднялся на палубу своего флагмана, удивившись тому, сколько было сделано в его отсутствие. Работы на броненосце кипели вовсю. Поврежденные 152-миллиметровые башни частично разобрали, и в них что-то меняли или ремонтировали. Часть небольших пробоин в бортах уже была закрыта новыми стальными листами, покрытыми пока только суриком и незакрашенными. Вокруг крупных дыр сняли поврежденные листы, отчего они приобрели строгие геометрические формы.

С обоих бортов пришвартовано по несколько барж, в которые что-то грузили или, наоборот, выгружали. Под кормой пытел буксир, забиравший одну из них. Такая же картина наблюдалась вокруг остальных кораблей, стоявших поблизости. Всюду сновали матросы и мастеровые. Стоял жуткий грохот железа и визг работающих механизмов.

Обойдя все палубы «Орла», Рожественский поднялся в адмиральский салон, где застал почти весь свой штаб. Огромный стол был завален бумагами. Едва увидев командующего, все встали, приветствуя своего адмирала. Он же подошел к каждому и поздоровался, говоря, что рад видеть всех в добром здравии.

После чего предложил выпить чаю, добавив: «Как же на Родине-то хорошо!» Когда уже подали чай, он обратился к начальнику своего штаба – Клапье де Колонгу с просьбой ввести его в курс дел, если он пропустил что-то важное. Тот охотно согласился, переложив в своей папке несколько листов и начав свой доклад словами: «За прошедшие четыре дня...»

Но Рождественский его сразу же перебил вопросом: – Простите, со времени чего прошедшие?

– Со дня прихода нашей эскадры во Владивосток.

– Какое сегодня число? – И увидев висевший в салоне календарь с датой 25 мая, он буквально проглотил окончание вопроса. То есть прошло четыре дня, а меня никто не удосужился разбудить?! – начал закипать адмирал.

Казалось, он сейчас учинит всем собравшимся примитивный разнос. У него даже начала краснеть шея, что бывало всегда в крайней степени раздражения, и эта краснота быстро заливала лицо, но он, явно с большим усилием, совладал со своими эмоциями, и спросил, уже почти нормальным тоном: «Почему меня никто не разбудил!»

В воцарившейся абсолютной тишине ему ответил сначала Клапье де Колонг, поддержанный лейтенантом Свенторжедцким, которые, ссылаясь на рекомендации медиков, объяснили, что при таком перенапряжении, что испытывал командующий последние недели перехода, тот сон, что был у него уже во Владивостоке, являлся лучшим лекарством.

Даже солидный консилиум местных и флотских докторов пришел к единому мнению, что тревожить пациента нет необходимости. Столь глубокий и продолжительный сон является естественной реакцией организма, гораздо более эффективной в плане восстановления сил, чем любое медикаментозное воздействие. Проводившиеся три раза в день медицинские осмотры не выявили никаких отклонений от нормы, поэтому никто и не беспокоился. Никаких проблем не возникало, все вопросы решались в рабочем порядке и в срок, поэтому причин мешать отдыху просто не было.

Кроме того, это позволило пустить в городе слух, что вы тяжело ранен и почти безнадежен. Это, в сочетании с сокрытием истинного технического состояния кораблей действующего флота, прибавляет шансов на достижение внезапности при возобновлении боевых действий. О тяжелых повреждениях кораблей, невозможности их быстрого введения в строй и ранении командующего уже пишут во всех газетах. Так что и в Токио об этом узнают не сегодня – завтра.

Выслушав все это и бегло просмотрев поданные ему русские, английские и немецкие газеты, Рожественский успокоился окончательно и потребовал ввести его немедленно в курс всего происходящего на эскадре. Это заняло более полутора часов, но командующий явно остался всем доволен.

Из доклада штаба Рожественский узнал, что для обеспечения обороны базы выделены «Нахимов» и «Наварин», находящиеся в проливе Босфор Восточный в получасовой готовности выйти в море, а также 4 старых номерных миноносца и несколько миноносок, круглосуточно несущие дозорную службу. Линии дозоров заметно выдвинуты в заливы Амурский и Уссурийский, по сравнению с тем, что было до прихода эскадры. Противник в виду крепости не появлялся.

На побережье залива Петра Великого и на всех его островах начато расширение сети сигнальных постов и сплошное оснащение их телефонной и телеграфной связью. Намечены места для строительства новых береговых батарей, возведение которых резко повысит обороноспособность.

В столицу отправлен запрос на скорейшую отправку дополнительных береговых пушек современных моделей и снарядов к ним. Предварительно проработаны планы оборонительных минных постановок на подступах к Владивостоку, но к их реализации невозможно приступить из-за отсутствия в крепости мин в достаточном количестве. Их подвоз ожидается не ранее чем через месяц, поэтому рассматривается вопрос о налаживании производства мин во Владивостоке.

После разбора итогов боев были произведены некоторые кадровые перестановки на эскадре. Так, командира эсминца «Бодрый» капитана второго ранга Иванова пришлось списать на берег по болезни. На его место назначен капитан второго ранга П. П. Дурново, оказавшийся «безлошадным» после гибели своего корабля. А командира также погибшего в бою «Бедового» капитана второго ранга Баранова арестовали, поскольку вскрылись его финансовые махинации.

Командира броненосца «Сисой Великий» капитана первого ранга Озерова так же списали, так как выяснилось, что он был пьян в ночь атаки флота японскими миноносцами у Готских островов и потому не принял должных мер к обеспечению противоторпедной защиты своего корабля. Более того, он препятствовал в этом старшему офицеру капитану второго ранга Ивкову.

За это командир был помещен под арест в своей каюте с приставлением караула вплоть до прибытия в базу, где предстал перед судом офицерской чести. Командиром на «Сисоя» планировали назначить капитана первого ранга Лилье, поскольку восстановить крейсер «Россия», которым он командует сейчас, до конца войны не представляется возможным.

У капитана первого ранга Смирнова, командира «Николая», проявилась почечная недостаточность, вероятно на нервной почве, из-за чего он вынужден был отправиться на лечение. На его место рекомендован командир «Громобоя» капитан второго ранга Шульц.

Командира броненосца «Адмирал Сенявин», проявившего слабость в бою, также пришлось списать на берег. Вместо него теперь капитан второго ранга Похвистнев, бывший старшим офицером на «Ослябе» и доведший свой разбитый броненосец до родных берегов. К счастью, раны его оказались не тяжелыми, и он уже вступил в командование новым кораблем. В связи с назначением на эту должность составлено представление о присвоении ему звания капитана первого ранга. Достоин, безусловно!

Рожественский согласился со всеми назначениями, высказав пожелание подобрать офицеров всех специальностей для планируемого расширения штаба. Причем выбирать в первую очередь из тех, кто теперь, скорее всего, освободится, из-за полной потери боеспособности двух больших броненосных крейсеров и «Осляби» с «Суворовым». Кроме того, он добавил, что нужно будет переформировать оставшиеся силы, для обеспечения обороны нашего побережья и его скорейшего более полного освоения. Все подготовленные бумаги по ротации офицеров были им подписаны немедленно, после чего совещание продолжилось.

О противнике достоверных сведений не имелось, но вблизи Владивостока японцы не показывались. К побережью Японии и Кореи отправлены 4 разведочные экспедиции из трофейных рыбацких и каботажных шхун, укомплектованных корейцами и китайцами из контрабандистов, нанятых на нашу службу. Командовать шхунами поставлены шкиперы-китобои с судов Кайзерлинга, уже имеющие богатый опыт общения с этими авантюристами. В состав их команд включили также наших офицеров-добровольцев из Сибирского экипажа.

Они должны осмотреть берег и установить наличие дозорных судов или флота противника в районе пролива Цугару, у Гензана, севернее Цусимы и в заливе Вакаса. В тех водах постоянно курсирую подобные суда, поэтому штаб рассчитывает, что эти экспедиции в таком виде не привлекут внимания противника.

Наш флот начал ремонт механизмов и исправление боевых повреждений. Все четыре истребителя, имевшие подводные пробоины, разместили в плавучих доках попарно, начав ремонт корпусов и забортной арматуры, остальные ремонтируются пока на плаву. С вышедших из строя кораблей («Громобой», «Ослябя», «Россия» и «Суворов») начали снимать уцелевшие орудия, для замены ими разбитых или неисправных пушек на действующем флоте. Помимо боевых повреждений было выявлено растрескивание стволов от интенсивной стрельбы у четырех шестидюймовок и одной 120-мм пушки. В Петербург отправлен запрос на дополнительные орудия всех калибров для замены вышедших из строя.

На «Ушакове» и «Светлане» силами мастерских порта начаты работы по заделке опасных пробоин, поднятых над водой благодаря дополнительной разгрузке и кренованию. Обе плавмастерские обеспечивают плановую переборку главных механизмов действующего флота в бухте Новик. На всех кораблях, кроме выделенных в охрану, разобраны паропроводы и прочие магистрали, уже давно нуждавшиеся в ремонте. Начат ремонт котлов донок и другого трюмного оборудования, который было невозможно выполнить в походе, при постоянной боеготовности флота.

Для выполнения второстепенных задач по перевооружению и реконструкции кораблей предполагается привлечь паровозное депо и вагоноремонтный завод в Никольск-Уссурийске, который находится в ста верстах от Владивостока. Это ближайшее предприятие, способное хоть как-то помочь флоту в ремонте. В самом Владивостоке ни железнодорожных мастерских, ни каких-либо других серьезных промышленных предприятий не имеется.

На «Богатыре» закончили основные работы и в ночь с 24 на 25 мая его вывели из дока. Хотя на нем все еще продолжались внутренние работы со вспомогательными механизмами, пушками в носовых плутонгах и реконструкция по новым стандартам внутрисудовой связи, противоосколочной защиты и средствам управления огнем, он уже отправился на ходовые испытания в Амурский залив на протраленный участок между островом Рикорда и полуостровом Ломоносова.

На обратном пути планируется провести стрельбы всеми калибрами в бухте Парис, где оборудован импровизированный опытный полигон. Туда уже доставлены старые водотрубные котлы, коечные сетки, железные цилиндры и прочий металлолом с заводских складов. Результаты стрельб будет отмечать и фиксировать специальная комиссия штаба эскадры во главе с Берсеневым, уже отправившаяся на место.

Планируется опробовать действие фугасных шестидюймовых снарядов с зарядом влажного пироксилина и взрывателями Бринка, стоящими сейчас на вооружении, а также этих же снарядов но с зарядом из бездымного пороха и взрывателями Барановского (то есть аналогичным по заряду и трубке старым 6- и 8-дюймовым бомбам и 12-дюймовым фугасам, используемым сейчас). Идея проведения подобных стрельб возникла по результатам боев у Цусимы и у Готских островов, когда многократно отмечалось отсутствие разрывов наших снарядов, дававших гарантированные попадания в цель.

Далее обсуждался проект перевооружения старых броненосных крейсеров «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской» на единый шестидюймовый калибр. Но этот вопрос пока остался не решенным, до предоставления окончательных чертежей и расчетов, которые взял на себя инженер с «Орла» Костенко. Уже произведя все необходимые замеры на крейсерах, он планировал предоставить эскизный проект к следующему совместному заседанию штаба и инженерного корпуса, намеченному на 26 мая после обеда.

В общем и целом русский флот пока не был готов к активным действиям на море. Всем кораблям второй эскадры требовался серьезный ремонт по механической части. А имевшихся, до её прихода, во Владивостоке сил флота едва хватало для обеспечения обороны базы и проведения тральных работ на фарватерах и обнаруженном минном поле между островами Римского Корсакова и островом Аскольд.

Плавбазы партии траления «Сунгари» и «Селенга» были недостаточно оборудованы, а тральный флот слаб и малочислен. Для обеспечения регулярного траления фарватеров привлекались миноноски, но и их не хватает, поэтому было решено срочно перебазировать во Владивосток все миноноски из Николаевска-на-Амуре. Там их должны будут заменить мобилизованные гражданские суда.

Были очень слабы портовые средства, начавшие всерьез развиваться лишь с началом войны. Не хватает грузчиков, рабочих, береговых и плавучих кранов, наливных ботов и барж. Поэтому для снабжения пришедшего флота и обеспечения его потребностей пришлось реквизировать либо выкупить в срочном порядке все частные небольшие суда, пригодные для портовых нужд, а также рыбацкие баркасы и шхуны, имевшиеся в окрестностях Владивостока.

Кроме того, из наиболее благонадежных местных каторжан с Сучанских копей сформировали несколько бригад разнорабочих, работавших вахтами, а всех арестантов, имевших подходящие специальности, вовсе перевели на постоянные работы в порт. Но этого все равно оказалось недостаточно.

Для решения проблемы были вынуждены разоружить и срочно привести из Николаевска-на-Амуре все плавучие батареи, перестроенные из больших железных барж «Амурского общества пароходства и торговли». Часть барж до прихода эскадры, к счастью, еще даже не успели вооружить. Изначально их планировалось использовать в обороне устья Амура в районе Софийска, но обстановка изменилась.

Для противоборства с современным флотом, имеющим скорострельную артиллерию, эти сооружения с парой старых тридцатипятикалиберных шестидюймовок на палубе и импровизированной защитой из котельного железа и прочих подручных материалов были мало пригодны. Зато как баржи, вместе с приведшими их буксирными пароходами, появившись во Владивостоке буквально накануне данного совещания, они тут же были приняты в оборот, резко разрядив ситуацию с перевозкой грузов и материалов в интересах флота в акватории порта и прилегающих бухтах.

Учитывая полученный в ходе цусимских боев опыт, решено оснастить все броненосцы и крейсера собственными кузнечными мастерскими, как было сделано на «Орле» и «Бородино» еще в походе. Силами команды на этих двух броненосцах соорудили передвижные кузницы, разворачивавшиеся по мере необходимости в котельных отделениях или же на полубаке. Благодаря им, появлялась возможность быстрого восстановления многих вышедших из строя деталей без их перевозки, а ремонт повреждений заметно облегчался. Сейчас уже на всех кораблях подобраны места для постоянных, а не временных таких мастерских, с гораздо большими возможностями.

Для обеспечения действий флота планировалось сформировать два батальона морской пехоты из экипажей разбитых кораблей и казаков-добровольцев. Столь странный подбор личного состава был предложен капитаном 2-го ранга Семеновым, занимающимся этим вопросом. Объясняется он тем, что новые формирования должны будут размещаться на кораблях первого и второго ранга для проведения кратковременных десантов на контролируемое противником побережье с целью решения тактических задач эскадры, а также для захвата призов и управления им. В бою морские пехотинцы должны помогать экипажам в борьбе с пожарами и обеспечении действия артиллерии, что весьма актуально ввиду быстрой убыли людей на этих постах, как показала практика.

Исходя из этого, морские пехотинцы должны иметь хорошую морскую выучку для быстрого захвата судов, а также для максимально скорой высадки на необорудованный берег либо в порту и для обратной амборкации десанта. Одновременно необходима хорошая армейская подготовка для ведения боевых действий против регулярных войск, которыми комплектуются гарнизоны японских военно-морских баз и крупных портов, так как задачами этих подразделений предполагаются также молниеносные десантно-диверсионные операции на береговых объектах противника немедленно после подавления его активной обороны. Для комплектования батальонов отправлен запрос коменданту крепости на выделение нескольких казачьих частей для отбора добровольцев. Ответ до сих пор не получен.

В дальнейшем, из-за большого наплыва добровольцев, в том числе и из Маньчжурской армии, стало возможным проводить жесткий отбор по медицинским и прочим показаниям. Так, прибывшие вместе кавалеристы Маннергейм и Буденный оказались разделены, так как Маннергейм не прошел по здоровью из-за недавнего ранения.

На бурные протесты, дошедшие до высшего командования, ему ответили, что он как кавалерист должен уметь быстро думать, и отправили в штаб, прорабатывать тактику применения предстоящих десантов и способы максимально скорой высадки, пока не открылась другая вакансия.

Тем временем, сведенные вместе в примерно равных пропорциях казаки и моряки изучали шлюпочное дело, навигацию по звездам, казачьи ухватки и стреляли до сплошного синяка на плече и глубокой мозоли на пальце от спускового крючка. Одновременно проводились учения по высадкам, дневные

и ночные, с последующим рывком к намеченной цели с полной выкладкой.

В связи с этим резко возросли физические нагрузки в ходе интенсивных тренировок, что вызвало неизбежный отсев из учебных лагерей батальонов тех, кто оказался не в состоянии их выдержать, а также с переломанными руками и ногами.

Вскоре из двух батальонов пришлось формировать один, из-за некомплекта, но зато к началу Сасебской операции все корабли первого ранга, участвовавшие в штурме, получили по полуроте более-менее подготовленных бойцов. Про них говорили, что боец морской пехоты должен быть хорошим моряком, но при этом стрелять и драться как казак и бегать как его лошадь.

В Петербург в Адмиралтейство два дня назад с фельдъегерем ушел обширный рапорт, обобщающий последний боевой опыт и рекомендации по комплектованию и снаряжению дополнительных сил для Тихоокеанского флота. А также методики боевой подготовки, разработанные на эскадре во время похода. Кроме того, отправлен запрос о незамедлительной высылке во Владивосток дополнительного запаса снарядов, особенно больших калибров, и окончательного разрешения вопроса с задержкой поставок оборудования для артиллерийских мастерских фирмой «Унион».

Как выяснилось, в арсеналах базы снарядов основных калибров имеется много менее одного комплекта на сохранившие боеспособность корабли. Только по восьмидюймовым пушкам и шестидюймовкам Кане снарядов было в достатке на одно пополнение погребов. Подробная опись имеющегося боезапаса и прочих артиллерийских припасов была предоставлена штабу эскадры еще в день прихода главным артиллеристом Владивостокского порта полковником Корпуса морской артиллерии Савицким.

Выслушав доклад своего штаба, Рожественский поблагодарил офицеров за проделанную работу, извинившись за неожиданно долгое отсутствие, после чего покинул совещание, для изучения скопившейся корреспонденции. Засев в своей каюте, он затребовал к себе двух офицеров для связи с начальством порта и гарнизона на берегу, а также нескольких ординарцев для постоянного курсирования с депешами между флагманом эскадры и городским телеграфом.

Первым делом он ознакомился с докладной запиской главного артиллериста. Из нее следовало, что артиллерийские мастерские во Владивостоке находятся преимущественно в исправном и работоспособном состоянии, но имеют слабые кузнечные и литейные производства. Как, впрочем, и сам порт. Что же касалось запасов снарядов, то картина по ним была следующая.

1. 305-миллиметровых снарядов на складах было всего 895 штук. Из них 220 бронебойных, 657 фугасных и 18 сегментных. И это на 6 боеспособных эскадренных броненосцев с 22-мя орудиями этого калибра! То есть всего по половине боекомплекта!

2. 254-миллиметровых снарядов было в наличии 648 штук. Из них бронебойных 220, фугасных 337, чугунных 44 и сегментных 55. То есть по 60 снарядов на орудие. Один боекомплект для броненосцев береговой обороны, считая даже почти не имеющие боевой ценности чугунные и сегментные!

Кроме всего прочего, часть тяжелых снарядов была еще не снаряжена, а значит, не могла быть использована немедленно. В погребах десятидюймовых береговых батарей снарядов также было явно недостаточно, так что разжиться за счет крепости было маловероятно. Максимум выменять бронебойные и сегментные снаряды на фугасы.

3. Десятидюймовых снарядов на складах флота во Владивостоке не имелось вовсе. Но их можно было изыскать на крепостных батареях, имевших на вооружении орудия такого калибра. Правда, имелись только снаряды для пушек образца 1877 года с массой 113 и 126 килограммов длиной в 2,5–2,7 калибра, причем преимущественно чугунных бомб. Стальных фугасных почти не было. «Тяжелых» 188-килограммовых вообще взять было негде.

4. По боеприпасам к восьмидюймовкам, а также средним и более мелким калибрам картина была не столь печальной, но достаточными запасы все же назвать было нельзя. Почти полностью отсутствовали запчасти для современных скорострельных орудий, из-за чего каждую деталь приходилось изготавливать, что было чрезвычайно трудоемко и медленно. Запасных орудий имелось только 14 штук шестидюймовок да четыре трехдюймовки. Кроме них две 203-миллиметровых пушки в 35 калибров и дюжина 76-миллиметровых пушек с установками.

К докладной записке полковника Савицкого прилагалась также аналитическая записка старшего артиллериста эскадры Берсеньева, в которой обращалось внимание на значительный износ стволов главного калибра на броненосцах береговой обороны, а также на тот факт, что даже у 305-миллиметровых орудий новейших броненосцев ресурс стволов выбран не менее чем на половину.

В этой связи следовало озаботиться немедленным изысканием запасных пушек главного калибра для предстоящей замены тех, что стоят на броненосцах сейчас, не дожидаясь, когда они будут вконец расстреляны. Чтобы запасные стволы успели подвести к моменту замены.

Из выкладок флагарта следовало, что для перевооружения только броненосцев береговой обороны, которым уже пора было заняться вплотную, нужно сразу 11 десятидюймовок, в то время как в наличии, во всей Российской империи их только 8! Из них 4, Берсенев предлагал снять и отремонтировать с «Осляби» прямо во Владивостоке. Оставшиеся 4 стояли на черноморском «Ростиславе».

Больше их взять было просто негде! Береговые пушки такого же калибра для замены не годились из-за совершенно другого станка. Даже если немедленно заказать такие стволы, изготовить их до конца войны просто не успеть. Таким образом, получалось, что имелась возможность в перспективе заменить только главный калибр «Ушакова» и «Сенявина». Более новые и изначально более тяжелые и прочные пушки «Адмирала Апраксина», несколько менее изношенные, менять было просто нечем.

Стволов главного калибра для больших броненосцев так же не было в запасе не только во Владивостоке, но и у Адмиралтейства тоже. При этом их потребность оценивалась минимум в 12 штук, только для новейших броненосцев «Орел», «Бородино» и «Александр III». Для полного «дожигания» остаточного ресурса тех, что сейчас стояли в башнях, достаточно было израсходовать чуть более одного боекомплекта на ствол.

Поскольку активные боевые действия для эскадры еще далеко не были закончены, вопрос со снабжением боеприпасами и с заменой артиллерии нужно было начинать решать уже сейчас, пока еще есть из чего и чем стрелять. Единственным выходом было временное разоружение черноморских броненосцев, причем как по главному, так и по среднему калибрам. Так сказать на перспективу.

Поэтому, так же как и с десятидюймовками, оставалось только срочное изъятие артиллерии «Пантелеймона». А также немедленная отправка всех уже готовых двенадцатидюймовок из заделов по броненосцам «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» для черноморского флота и «Андрей Первозванный» и «Павел I» для балтийского.

Пушки, уцелевшие после боя, с разоружаемого во Владивостоке «Князя Суворова», сделавшие от 78 до 103 выстрелов, частью учебными снарядами, имеют пока незначительные признаки прогара и могут быть использованы для замены стволов на любом другом броненосце, но только в случае задержки с поступлением новых. Но из четырех его орудий главного калибра одно полностью непригодно из-за повреждения ствола. Артиллерия главного калибра «Сисоя», меньше участвовавшая в бою, еще вполне боеспособна.

Для перспективной замены башенной артиллерии «Наварина» и «Николая» вполне подойдут устаревшие орудия с черноморских броненосцев «Чесма» и «Екатерина II». При этом в башне «Николая», в случае, если удастся выполнить некоторые доработки, возможно установить вместо тридцатикалиберных пушек более мощные тридцатипятикалиберные. Это вызовет перегрузку примерно в 15–16 тонн, но существенно увеличит эффективность главного калибра.

По первым прикидкам, объем этих доработок не слишком велик, и это все вполне выполнимо силами Владивостокского порта и артиллерийских мастерских, хотя, естественно, потребует дополнительного времени. В крайнем случае «Николай» может быть спокойно перевооружен стволами с броненосцев «Екатерина» или «Синоп», совершенно идентичными тем, что стоят на нем сейчас.

Среднекалиберная артиллерия на всех кораблях была пока вполне пригодна, за исключением изношенных еще на Балтике в учебном артиллерийском отряде половины стодвадцаток все тех же малых броненосцев. А те орудия, что вышли из строя от боевых повреждений, могут быть быстро заменены с использованием снятых уцелевших с подбитых кораблей. Также планировалось вооружить все крупные пароходы современными трех-, пяти- и шестидюймовками. Но этим почти весь запас таких орудий с разоружаемых крейсеров и броненосцев будет исчерпан.

Кроме того, все, имевшиеся в арсенале до прихода эскадры шестидюймовые орудия уже были переданы в крепость и установлены либо на сухопутной линии

обороны, либо на новых береговых батареях. Так что для их получения придется еще провести кучу согласований и измарать немало бумаги, что в конечном итоге выльется в потерю драгоценного времени.

Ознакомившись с документами по артиллерии, Рожественский составил телеграмму в ГМШ, продублировав ее депешей на имя императора, для ускорения дела. В этой телеграмме он предлагал рассмотреть вариант с арендой или приобретением достаточно крупного быстроходного судна, чтобы отправить боезапас и артиллерию морским путем. Это было бы много быстрее и проще, чем везти все это по единственной железной дороге, перегруженной армейскими перевозками. Но в этом случае следовало принять строжайшие меры к соблюдению секретности, в отношении как аренды, так и характера груза судна.

Помимо ускорения ремонта броненосцев и крейсеров и их предстоящего скорого и неизбежного перевооружения не менее важным вопросом было усиление сухопутной группировки войск в районе Владивостока, для создания существенных резервов, которые можно будет использовать в тактических десантных операциях. Главной целью этих операций будет повышение безопасности путей снабжения флота и всего Дальневосточного побережья с моря.

Очень важно было обеспечить скорейшее прибытие дополнительных регулярных войск, а не мобилизационных пополнений, обязательно с серьезной артиллерийской поддержкой. Для этого Рожественский предлагал императору и генеральному штабу отправить на Дальний Восток гвардейские полки, как наиболее боеспособные и укомплектованные, а также артиллерию, боезапас и прочие виды снабжения из «Особого запаса» Одесского военного округа.

Особо он настаивал на скорейшем решении всех этих проблем, так как любое промедление может сместить чашу весов не в нашу пользу и в корне изменить ход всей предстоящей кампании! Главнокомандующий Второй тихоокеанской эскадры считал, что на согласование изложенных им в телеграмме первоочередных вопросов и их реализацию имеется максимум полтора-два месяца. Потом будет уже поздно! Все это Зиновий Петрович подробно и аргументированно изложил в докладной записке, прилагавшейся к депеше. Еще раз пробежавшись по тексту составленных корреспонденций, командующий передал их для шифровки и скорейшей отправки.

Бегло просмотрев накопившийся ворох русских и иностранных газет, Рожественский задержался только на сообщениях о взрыве бомбистами кареты Витте, произошедшем еще 1 мая. В результате теракта погиб на месте министр иностранных дел Ламсдорф, а премьер-министр получил тяжелые ранения и скончался спустя два дня в больнице, не приходя в сознание. На его место назначен Столыпин, а министерство иностранных дел возглавил граф Остен-Сакен.

Бросилось в глаза вскользь упомянутое в одной из статей резкое ослабление профранцузского лобби в правительственных кругах, вызванное, в первую очередь, гибелью в результате теракта означенных персон, и активизация сторонников сближения с Германской империей. Был ли как-то связан с этим внезапный отъезд великого князя Алексея Александровича в Париж, не известно, но это неожиданное событие в разгар войны весьма удивило многих.

При разборе полученных из столицы телеграмм больше всего его порадовала одна, за личной подписью Николая II, в которой Рожественский освобождался от обязанностей начальника Главного морского штаба и одновременно назначался наместником императора на Дальнем Востоке и главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами, воюющими против Японии.

Именным указом Рожественскому присваивался чин генерал-адмирала и права принимать решения на месте по своему усмотрению. Столь широкие полномочия намного упрощали как управление всеми наличными силами на театре военных действий, так и решение сопутствующих проблем, связанных со снабжением и обслуживанием появившегося теперь у России тихоокеанского флота.

Именно флота, а не эскадры. Деша с приказом о реорганизации наличных на Дальнем Востоке морских сил в Российский тихоокеанский флот была получена еще до того, как броненосцы Рожественского бросили якоря во Владивостоке. Вопрос о назначении командующего был уже решен, и в ближайшее время ожидалось прибытие назначенного на эту должность вице-адмирала Бирилева. Приказ о его назначении был подписан императором еще 8 мая. Теперь его поезд был где-то в пути. Во Владивостоке достоверно было известно лишь, что он отбыл из столицы 16 мая.

Кипу депеш своего штаба, предназначенную к отправке в Петербург с прошениями о предоставлении внеочередных званий за выдающиеся боевые заслуги и проявленное в бою мужество и находчивость вместе с приказами

о награждениях офицеров и матросов Рожественский просмотрел особенно тщательно, дополнив общий список еще несколькими фамилиями, в том числе наиболее отличившихся капитанов пароходов, инженеров и мастеровых с каравана обеспечения эскадры.

Телеграмму императора о Высочайшем пожаловании кораблям «Князь Суворов», «Ослябя», «Россия» и «Громобой» кормовых Георгиевских флагов за мужество в бою командующий отправил в канцелярию с припиской немедленно оформить это приказом и зачитать в торжественной обстановке на всех кораблях и в береговых частях флота и гарнизона крепости в ближайшее время.

Командиров и офицеров удостоенных этой чести кораблей пригласить для вручения Георгиевских флагов в офицерское собрание при обязательном присутствии на этом мероприятии возможно большего числа журналистов. Такое событие заслуживало повышенного внимания. За всю историю Российского флота за боевые заслуги награждались подобным образом только линейный корабль «Азов» за Наваринский бой да бриг «Меркурий» за бой с двумя турецкими линейными кораблями.

Разобрав полученную почту, Зиновий Петрович набросал черновики еще нескольких телеграмм в ГМШ и лично великому князю Александру Михайловичу. В них он, так же как и во многих предыдущих, отправленных еще на переходе, просил всемерно ускорить достройку новых минных крейсеров и ремонт тех, что вынужденно вернулись из-за поломок механизмов, с тем, чтобы обязательно включить их в состав готовящейся к отправке на Тихий океан новой, третьей, эскадры. Недостаточность минных, да и вообще всех легких сил, имевшихся на Тихом океане, была просто вопиющей.

Для несения сторожевой службы при базах планировалось широко привлекать паровые катера и миноноски, после существенных переделок по корпусу, улучшавших мореходные качества. Но и их тоже не хватало. Требовалась срочная переброска подобных судов по железной дороге с Балтики и Черного моря.

С отправкой этого пополнения он также просил поспешить. Однако в первую очередь нужно было максимально ускорить подготовку третьей эскадры, как уже стали именовать следующую волну подкреплений для воюющего флота, так как для удержания инициативы на море требовалось вывести корабли в море, а из-за боевых потерь сил было уже недостаточно для уверенных действий.

Кроме того, в специальной секретной телеграмме в Генштаб Рожественский требовал максимально срочно выслать во Владивосток все имевшиеся на складах горные орудия барановского калибра 63 миллиметра и особенно фугасные боеприпасы к ним. Эти легкие пушки были уже сняты с вооружения армии и сданы на хранение. Флотом планировалось широко использовать их при набегах на японское побережье. Имея легкий, просто и быстро разбирающийся лафет, эти пушки вполне подходили для высадки со шлюпок на необорудованный берег. А калибр, совпадающий с десантными пушками кораблей эскадры, упрощал снабжение.

Вызвав посыльного офицера, Рожественский отправил с ним все депеши на шифровку и затем на телеграф, а сам засел за составление более подробного и обстоятельного послания императору. В нем он обосновывал крайнюю важность, как с военной, так и с политической точки зрения, скорейшего выхода с Балтики подкреплений для Тихоокеанского флота. А также немедленной отправки на Дальний Восток всего необходимого снабжения для максимально быстрого развертывания во Владивостоке ремонтных мощностей, соответствующих сосредотачивающемуся там флоту. Для ускорения решения этого вопроса он предлагал в срочном порядке проработать варианты поставок нужного оборудования, материалов и специалистов из САСШ.

Закончив с корреспонденцией, он сразу же, как обычно без огласки, отправился в штаб крепости Владивосток решать вопрос о содействии местной военной и гражданской администрации в скорейшем привлечении паровозного депо и вагоноремонтного завода в Никольск-Уссурийске к ремонту и переоборудованию кораблей, даже не пообедав. Там-то командующий и узнал о беспорядках, имевших место, пока он отсыпался с похода.

В управе его встретил крайне недовольный и раздраженный комендант крепости генерал-лейтенант Казбек. Едва поздоровавшись, он начал высказывать претензии по поводу того, что с приходом флота город снова оказался охвачен беспорядками[1 - Вице-адмирал Бирилев в реальной истории был назначен командующим Тихоокеанским флотом точно в то же время. Но когда он прибыл на место, командовать было уже нечем. После визита с осмотром на одну из лодок, только что вернувшуюся из похода, он испачкал в масле мундир и перчатки, устроил разнос командиру лодки и объявил в приказе по крепости Владивосток: «...Такие офицеры позорят флот! Им не место в крепости!».]. Мало того, флотские офицеры требуют в свое распоряжение еще и армейские части, занятые в обороне базы и обеспечении

порядка на территории крепости! И это после всех безобразий, что произошли в городе после их прихода!

Он сообщил, что уже уведомил об этом, совершенно не уместном, по его мнению, запросе генерала Линевича и ждет от него телеграммы для окончательного решения. Также Казбек сообщил, что не сомневается в том, что Линевич, как начальник всех сухопутных и морских сил, действующих против Японии, его непременно поддержит и откажет в выделении войск. Даже более того, прикажет использовать пришедшие корабли и их экипажи с артиллерией для организации береговой обороны по образу порт-артурской.

Несколько ошарашенный такой встречей, Рождественский с трудом подавил вспышку гнева. Однако довольно быстро справился с эмоциями и ледяным голосом ответил, что войска ему нужны не для организации охоты и даже не для обороны, а для ведения активных действий на территории противника. Поэтому он считает любые проволочки в решении этого вопроса недопустимыми и даже вредительскими, граничащими с изменой, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что на основании одной только этой вот телеграммы (с этими словами он выложил на стол депешу о назначении его наместником) у него достаточно полномочий, чтобы просто поставить в известность коменданта крепости о забираемых им из гарнизона войсках, даже невзирая на мнение по этому вопросу генерала Линевича.

Однако он не считает для себя возможным такое ведение дел и надеется на полноценное и эффективное сотрудничество берегового командования с флотским начальством в общем и очень важном для Державы деле. В этой связи наместник императора надеется, что все произошедшие в последние дни недоразумения могут быть быстро урегулированы к взаимному удовольствию сторон уже в ближайшее время.

Что касается организации береговой обороны, то флот всячески поддержит в этом армию, вплоть до выделения орудий с прислугой для дополнительных береговых батарей, средств связи и минеров для оборудованья сигнальных постов и их комплектования. Но только в случае, если эта техника и люди не будут затребованы для обеспечения боеспособности самого флота, намеренного вести активные боевые действия, а не стоять в бухте, как было в Порт-Артуре.

Однако взамен флот требует всемерного содействия сухопутного командования в создании частей обеспечения, жизненно необходимых для действующей эскадры. А что касается «безобразий», так об этом разговор еще впереди, и виновные непременно будут наказаны.

Увидев императорский бланк телеграммы, Казбек несколько умерил свой гнев. Пока генерал изучал депешу и осмысливал её содержание, Зиновий Петрович успел, оглянувшись, обменяться выразительными взглядами с сопровождавшими его офицерами, дав понять, что о «безобразиях», о которых в общей суете ему так и не успели доложить, спросит с них в ближайшее время, причем с пристрастием. Когда же комендант, оторвавшись от чтения, поднял глаза на него, Рожественский снова был невозмутимым образцом уверенности в себе и своих действиях.

Прочитав телеграмму несколько раз и обдумав ее, а также все услышанное, и поняв, что от сотрудничества с этим адмиралом, сумевшим за неделю сделать больше, чем все, что были до него, вместе взятые, можно немало выгадать, комендант совсем успокоился и сказал:

– Учитывая ваши заслуги, авторитет и, несомненно, дельные предложения, я считаю, что нам есть о чем поговорить. Поэтому предлагаю начать беседу заново! Генерал-лейтенант Казбек – комендант крепости Владивосток. Чем могу служить?

Рожественский в ответ также представился с полным перечислением титулов и званий и протянул генералу руку, со словами: «Служить, надеюсь, вместе будем!»

Закончив, таким образом, обмен любезностями, генерал-лейтенант и генерал-адмирал обменялись рукопожатиями, после чего выпили чаю, начав говорить о деле. Этот разговор занял более двух часов. При этом то морские, то армейские офицеры неоднократно отправлялись на телеграф со срочными сообщениями, а управляющие вагоноремонтного завода и паровозного депо, оказавшиеся по случаю на станции Владивостока, были вызваны в управу под конвоем. Там они пробыли не долго. Им вручили чертежи требуемых от их предприятий изделий с четким ограничением по срокам и качеству, да вдобавок с максимальным соблюдением секретности, и отпустили в сопровождении полуроты солдат для несения караульной службы на становившихся военными предприятиях.

А в конце к совещанию присоединился еще и полицмейстер, получивший инструкции по активизации действий в выявлении и локализации японской агентуры в городе и окрестностях. При этом от арестов пока было настоятельно рекомендовано воздержаться, так же как и от огласки присутствия Рожественского на этом совещании, что вызвало полнейшее недоумение как у коменданта, так и у главы полиции. Только после довольно длительного разъяснения целесообразности таких мер на данном этапе в свете предоставления противнику заведомо ложной информации вопрос был снят.

Выйдя от коменданта, Рожественский, в сопровождении полицмейстера, отправился в городскую тюрьму для ознакомления с делами флотских арестантов, что сейчас там сидели. Туда же были вызваны флаг-офицеры Свербеев и Кржижановский с писарем и городской прокурор. А также начали свозить сидельцев с эскадры с гарнизонной «губы» и из всех полицейских участков и околотков города.

Когда столь представительное собрание ознакомилось с сутью большинства уголовных дел, заведенных «по погромам в городе Владивостоке, имевшим место 21 мая», пришли к выводу, что тяжких преступлений совершенно не было, никаких политических и антиправительственных действий также не отмечено. А посему, с учетом того, что последствия погромов уже устранены силами личного состава флота и пострадавшим выплачены компенсации за понесенный ущерб, все арестанты могут временно считаться не уголовными преступниками, а обычными дебоширами.

Судебные меры в отношении них могут быть перенесены на более поздний срок, даже с учетом строгостей военного времени. Все они немедленно передаются флотскому командованию под личную ответственность нового наместника императора на Дальнем Востоке для отбывания срока исправительных работ на кораблях эскадры и на берегу, по усмотрению штаба флота и в зависимости от серьезности содеянного. Их уголовные дела приостанавливаются до окончания боевых действий, после чего будут рассмотрены вновь с учетом обстоятельств дальнейшей службы.

Это решение устраивало всех, поскольку тюремное начальство спихивало со своей шеи сразу несколько сотен ртов, а флот возвращал себе столько же подготовленных специалистов. На этом заседание было окончено, и все разъехались по своим делам. А смутьянов и погромщиков вывели во двор

тюрьмы и построили вдоль стены. Решение собрания им зачитал начальник тюрьмы, после чего они под конвоем комендантского взвода отправились в порт.

У ворот порта, уже в сумерках, конвой отпустили, а колонну арестантов провели на пристань, где стоял разгружаемый от боезапаса и артиллерии крейсер «Россия». Здесь их уже ждал командующий.

Когда бывшие арестанты замерли, словно съёжившись, под его грозным взглядом, он устроил им выволочку с использованием всего флотского лексикона. За 15 минут каждый из них осознал всю глубину своей вины перед жителями РУССКОГО города Владивостока, так долго ждавшего их. А также перед остальными моряками из экипажей кораблей, чью честь они запятнали своим дебошем. И, наконец, перед всей Россией, считающей их всех до одного героями и чудо-богатырями.

Закончил речь Рождественский словами: «Вина ваша велика, но и заслуга огромна! Вам дается шанс начать все заново. Отныне вы не относитесь к флотскому экипажу, а являетесь штрафным батальоном флота. Сумеете отслужить – вернетесь во флот, и дела ваши непотребные никто не вспомнит, а если нет, то себя вините!»

Общее впечатление усиливалось еще и тяжелыми взглядами всех, кто был занят в работах на крейсере за спиной адмирала, так что теперь каждый из проштрафившихся горел желанием искупить свою вину любым способом, хоть в пекло посылай, все исполнят.

Оставшись довольным результатом разъяснительной беседы, Рождественский приказал штрафникам идти отсыпаться, где покажут, но до завтрашнего утра самим организовать, выбрать старших и в дальнейшем всемерно участвовать в работах на стоящих в заводе и у стенок порта кораблях под руководством флотских инженеров и портового начальства. Дальнейшую их судьбу он обещал решить в ближайшее время, подчеркнув, что все теперь зависит только от них самих.

Закончив с этим неприятным вопросом, командующий отбыл на свой флагман, где его уже ждали офицеры, участвовавшие в артиллерийских опытах на полигоне в бухте Парис, и срочно созванные со всех кораблей первого и второго рангов артиллерийские офицеры. Результаты стрельб «Богатыря» были, мягко

говоря, ошеломляющими. О малом разрушительном действии наших снарядов уже догадывались. Но такого не ожидал никто.

Глава 3

Стрельбы проводились из 152-миллиметрового скорострельного орудия Кане с трех кабельтовых. При этом новые фугасные снаряды с двухкапсюльными взрывателями и пироксилиновой начинкой если и взрывались, то лишь в 30–40 метрах за целью, оставляя после себя в стальных конструкциях аккуратные круглые отверстия, легко поддающиеся заделке. Внутренние конструкции, не задетые самим телом снаряда, чаще всего оставались совершенно целыми, а воронка от разрыва в мягкой глинистой почве позади мишени получалась всего чуть больше полуметра диаметром и еще меньше глубиной. И это те самые снаряды, что до сих пор состоят на вооружении и использовались в цусимском бою!

Зато старые снаряды, снаряженные бурым порохом и взрывателями Барановского, каждый раз срабатывали в полуметре или чуть более за первой же преградой с весьма серьезным фугасным действием. Так, например, одним попаданием были напрочь разбиты все внутренности водотрубного котла.

По своему воздействию эти снаряды сильно отличались от того, что было у противника. Намного уступая в силе взрыва, они производили основные разрушения преимущественно крупными осколками уже внутри, в то время как большая часть японских снарядов даже тонкую обшивку пробивали уже взрывной волной. А образовывавшиеся при этом в огромных количествах осколки чаще всего имели малую пробивную силу, ввиду незначительной собственной массы, и легко задерживались даже тонкими стальными переборками[2 - Эти опыты были проведены во Владивостоке силами отряда крейсеров летом 1905 года. По их итогам командовавший отрядом контр-адмирал Йессен писал: «Результаты испытаний вполне подтвердили все предположения о совершенной недействительности фугасных снарядов нашего флота в сравнении с японскими». Акт о произведенных опытах он называл «прямо обвинительным и развертывающим ужасающую картину причин последовательных наших неудач и поражений на море в продолжение всей этой войны». В дальнейшем, после серии опытов с различными взрывчатыми веществами, проведенных уже

МТК, было признано самым целесообразным и безопасным заменить пироксилин на порох. Такие снаряды оставались на вооружении до принятия в 1907 году новых тротиловых.].

В этой связи комиссия рекомендовала боезапас действующих кораблей флота «Нахимова» и «Наварина» с не скорострельной артиллерией перекомплектовать, по возможности, «тяжелыми» стальными снарядами «старого» образца, что было начато еще в походе после доставки боеприпасов и трубок Барановского из Севастополя. Некоторый запас подобных снарядов имелся на складах крепости. Одновременно в срочном порядке начать работы по возможной замене пороха в таких снарядах на другую взрывчатку, для усиления разрывной силы, и по мере готовности этих боеприпасов заменять ими боекомплект кораблей.

Часть «старых» шестидюймовых снарядов по распоряжению нового заместителя начальника снарядных мастерских лейтенанта Плансона уже начинили мелинитом вместо пороха, подготовив для опытов. По два восьми- и двенадцатидюймовых снаряда должны были подготовить к утру и доставить на дежурные корабли. Однако затем этот план изменили, решив из соображений безопасности испытать «опытные» боеприпасы стрельбой из береговых орудий.

Вообще, этот деятельный молодой офицер с «России», автор брошюры «Курс артиллерии для учеников комендоров», изданной еще до войны, после ранения в цусимском бою отстраненный от плавания и перебравшийся во Владивостокские снарядные мастерские, сделал очень многое для быстрого и качественного улучшения снарядного парка флота.

Именно им, совместно с лейтенантом Пржиленцким и мичманом князем Щербатовым были разработаны все методики замены взрывчатой начинки, взрывателей и запальных трубок в русских снарядах, в массовом порядке применявшихся на Дальнем Востоке в последние месяцы войны. Именно тех снарядов, которые разрушили японские крепости от Майдзуру до мыса Канон и отправили ко дну остатки объединенного флота.

Пржиленцкий и Щербатов, кроме того, в течение месяца разрабатывали методику производства аммонала на борту стоявшего в порту на приколе и разбираемого на запчасти крейсера «Россия». Хотя опыты были вполне успешными, производство аммонала в достаточном количестве во Владивостоке

было невозможно по причине недостатка расходных материалов и отсутствия нужного для этого оборудования

Изготовленной ими в кустарных условиях взрывчаткой снарядили шесть двенадцатидюймовых снарядов, поступивших затем в боекомплект броненосца «Александр III». Все они были израсходованы в ходе учебных стрельб 13 июня и показали большую разрушительную силу. К сожалению, использовать такие боеприпасы в боевых условиях возможности не было.

Выслушав доклад и изучив представленные схемы, Рожественский распорядился создать при штабе специальную комиссию для разработки мер по повышению эффективности боеприпасов и их всесторонним испытаниям, а также по доработке противоосколочной защиты, особенно мамеринцев шестидюймовых башен новых броненосцев, неоднократно заклинивавших в бою.

В ГМШ и Артиллерийский комитет была отправлена срочная телеграмма с описанием и анализом итогов сегодняшних стрельб и запросом о срочной отправке во Владивосток всех имеющихся на данный момент в наличии тонкостенных бомб Рудницкого, опытная партия которых была закуплена морским ведомством еще в 1903 году. Также в этой телеграмме указывалось на необходимость срочного начала массового производства подобных боеприпасов всех калибров.

Приказом по флоту из погребов всех кораблей изымались все оставшиеся «новые» снаряды с взрывателями Бринка. Весь остаток таких снарядов надлежало в срочном порядке передать в мастерские порта для переснаряжения и замены взрывателей в максимально сжатые сроки.

Для проведения этих работ начали оборудовать специальные снарядные мастерские на острове Русский, неподалеку от мыса Старицкого, под которые приспособили часть подсобных помещений батареи Ларионовская на пике, прикрывавшей западное устье Босфора – Восточного и вход в бухту Новик.

Артиллерийские опыты было решено продолжить и систематизировать, с целью получения достоверной картины эффективности всех типов имеющихся боеприпасов. На следующий день были намечены стрельбы на полигоне из противоминных орудий и «обуховских» шестидюймовок. А затем планировалось

отстреляться и главными калибрами «Нахимова» и «Наварина» с обязательным фиксированием результатов. Для большей наглядности решено было привлечь фотографов с эскадры. Охрана полигона отныне усиливалась, и на его территорию доступ посторонних лиц строжайше запрещался. Разошлись все только за полночь.

С рассветом Рожественский был уже на заводе, где встретился с флагманским механиком Политовским, руководившим подготовкой дока к постановке в него «Орла». С ним обсудили дополнительный список работ по корабельному оборудованию, которые возможно передать в депо и вагоноремонтный завод. В числе прочего им планировалось поручить ремонт электрического и трюмного оборудования, а также изготовление противоосколочной защиты и новых облегченных броневых артиллерийских рубок.

Чертежи для всего этого уже были подготовлены Политовским, а материалы (листовая и броневая сталь, угольники и профили) были заказаны из европейской части страны. Но чтобы не ждать их доставки несколько недель, это все планировалось пока брать на разбитых броненосцах и крейсерах, используемых сейчас как источники материалов и запчастей. Более широкое привлечение железнодорожников к реконструкции и восстановлению боеспособности флота позволило бы несколько разгрузить мастерские порта и, возможно, серьезно сократить сроки необходимых работ.

Здесь же, на заводе, командующего нашел и Костенко, всего лишь за ночь подготовивший проекты перевооружения обоих «князей» на единый калибр в 152 мм. Его проекты были тут же рассмотрены на совещании штаба и инженеров, при активном участии Политовского, одобrivшего идею в целом, но усомнившегося в её исполнимости при теперешней загруженности завода и порта.

Зиновий Петрович предложил обсудить этот вопрос напрямую с инженерами и администрацией базы и завода и распорядился отправить за кем-нибудь с «Камчатки» и за контр-адмиралом Грехе, для немедленной организации производственного совещания с обменом опытом, после чего засел за изучение проектов, под комментарии автора.

Они ему определенно нравились. Планировалось разместить на каждом из старых крейсеров по восемь 152-мм пушек Кане, использовав, образовавшийся после разоружения «Суворова», «Осляби», «России» и Громобоя» запас. Причем

в бортовом залпе после предлагаемой перестройки могли участвовать целых 7 орудий, так как почти все они размещались в диаметральной плоскости. Кроме унификации артиллерии и усиления бортового залпа, подобная перестройка позволяла пустить освобождавшиеся 120-мм с «Князей» на довооружение и замену разбитых и изношенных пушек на броненосцах береговой обороны, как раз стоявших на ремонте у стенок завода.

Зацепившись слухом за слово «довооружение», Рожественский потребовал пояснений. Оказалось, что малые броненосцы Костенко также не обошел вниманием. Он предлагал на них срезать небронированные казематы из двух слоев обычной судостроительной стали с толстой палубой над пушками и все лишние надстройки вдоль бортов между ними на шкафуте, заменив их легкими противоосколочными щитами на орудиях с кольцевыми ограждениями от волн, и установить по дополнительной стодвадцатке между уже имеющимися позициями. Удалить все навесные палубы вокруг труб, разместив на надстройках батареи трехдюймовок с нормальными секторами обстрела. Тяжелые фок-мачты заменить легкими с бронированными артиллерийскими рубками новой конструкции из тонкой брони, снятой с выведенных из состава флота броненосцев. Такие рубки, прикрытые 28-мм броней, будут почти вдвое легче тех, что имеются сейчас. Броню на них можно взять из горизонтальной защиты носовых и кормовых казематов «Суворова». Расчеты весовой нагрузки прилагались. Из них следовало, что при усилении вооружения корабли еще и облегчались почти на 7 тонн.

Одобрив и этот проект, Рожественский уже начал прощаться с Политовским, но вынужден был снова задержаться. Оказалось, что Костенко, помимо основного задания и проекта перестройки броненосцев береговой обороны, подготовил еще и предварительные проекты перевооружения базирующихся на Владивосток номерных миноносцев, с примерным расчетом изменения весовой нагрузки от замены неподвижных носовых минных аппаратов 75-мм пушкой, устанавливаемой в средней части корпуса. Эта позиция орудия, при некотором уменьшении секторов обстрела, позволяла максимально эффективно его использовать, так как воздействие качки оказывалось минимальным.

Наброски проекта очень заинтересовали командующего, предложившего проработать возможные варианты более детально и применительно к возможностям базы в данный момент. Все эскизы он забрал с собой, сказав, что это нужно непременно обсудить со штабом, предложив инженеру сейчас же отправиться на «Орел». Но Костенко остался на заводе, сославшись на

неотложные дела. Рожественский не возражал и тепло поблагодарил молодого инженера за его работу, сказав, что «именно такие люди и есть будущее России!».

Покинув контору завода уже перед обедом, он отправился на «Орла», где начиналось собрание штаба. На нем были рассмотрены все проекты Костенко, вызвавшие поначалу много споров. В проекте «Князей» вызывала опасения кажущаяся чрезмерной скученность артиллерии вокруг оконечностей, но после обсуждения сошлись во мнении, что именно такая компоновка позволяет максимально защитить как сами орудия, так и подачу боезапаса.

В броненосцах береговой обороны сомнительной выглядела установка еще двух орудий при почти неизменном боезапасе для них. Однако доводы артиллерийских офицеров о том, что наличного боезапаса для ведения продолжительного боя на больших дистанциях все равно недостаточно, а в скоротечных стычках в условиях ближнего боя в полтора раза большая численность довольно мощных скорострелок и, соответственно, возросшая огневая производительность может серьезно помочь, возымели свое действие, и проект перестройки и перевооружения был принят. Но с обязательным условием его исполнения в течение 20 дней.

По миноносцам много вопросов вызвало возможное ухудшение остойчивости, поэтому окончательное решение по ним отложили до предоставления полных расчетов весовой нагрузки и остойчивости, хотя признавалось допустимым ослабление торпедного вооружения до одного поворотного минного аппарата. Однако, несмотря на неопределенность ситуации, Рожественский настоял на предварительной проработке тактики использования подобных судов (с ослабленным или вообще снятым минным вооружением, обладающих малым водоизмещением и осадкой, но с артиллерией на уровне истребителей и с приличным ходом).

Затем обсудили потребности флота в материалах, необходимых для выполнения запланированных работ, и наметили первоочередные мероприятия по усилению и повышению эффективности береговой обороны залива Петра Великого. Единодушно сошлись во мнении, что более-менее надежную оборону можно организовать лишь с использованием минно-артиллерийских позиций на входе в Амурский и Уссурийский заливы.

А для их создания, по предварительным расчетам, нужно было не менее 3000 мин заграждения, которых на Дальнем Востоке почти не было. Кроме того, для постановки наступательных минных заграждений (так решили назвать минные поля, выставляемые на коммуникациях противника) было бы желательно иметь их еще не менее 1500–2000 штук.

В условиях, когда с Россией Владивосток связывала одна железная дорога, доставка такого количества мин, параллельно со всем остальным снабжением представлялась весьма затруднительной. Развернуть производство якорных мин в самом Владивостоке оказалось невозможно из-за полного отсутствия подходящих для этого предприятий, поэтому решили попробовать закупить мины в Америке, о чем отправили телеграмму в ГМШ. Туда же полетели и другие депеши с запросами, самой важной из которых была заявка на взрывчатку, в том числе и на новый немецкий тол, которым планировалось снаряжать снаряды.

Так же единодушно пришли к выводу, что для уверенных действий флота необходима устойчивая дальняя радиосвязь. Поскольку при продолжении кампании предполагалось разделение оставшихся сил на отдельные отряды, действующие автономно, но в рамках одного общего плана, вопрос согласования этих действий был весьма актуальным.

Для этого в каждом отряде кораблей обязательно должен быть передатчик дальнего действия по типу того, что имеется сейчас на «Урале». Такая же станция, или даже не одна и более мощная, должна быть и на берегу, для обеспечения возможности управления отрядами из штаба флота. В связи с этим признавалось необходимым срочно заказать не менее 5 подобных станций. Запрос на станции был также немедленно отправлен в столицу, причем общее число необходимых комплектов было утроено.

Старые номерные миноносцы Владивостокской базы также решили оснастить беспроводным телеграфом, для чего каждый из них должен был в ближайшее время получить по две новые легкие мачты для растяжки антенн. Их изготовлением решили озадачить железнодорожников. Оставалось только решить, где добыть нужное количество радиооборудования. Конечно, можно было всемерно использовать станции разбитых судов, которые, по заверениям специалистов, удастся восстановить. Но на всех их не хватало. Тогда решили снять радио еще и с «Александра» с «Сисоем», явно надолго застрявших в ремонте. Для ускорения дела помогать с монтажом и обслуживать радио на миноносцах будут те же минеры, переведенные вместе с оборудованием.

Для более надежной работы службы наблюдения за морем предполагалось развернуть сеть телеграфных станций и на островах на южных подступах к заливу Петра Великого. Это было проще, быстрее и дешевле, чем ставить туда радио. К тому же телеграфная связь не зависит от погоды и соответственно надежнее любой светосигнальной, что особенно важно для Приморья с его частыми летними туманами.

После совещания, отправив всех офицеров, что с ним были с различными поручениями, адмирал отправился на базу подводных лодок, в качестве которой использовался пароход «Шилка». Когда его катер пришвартовался к борту, командующий поднялся на палубу, где его встретил дежурный офицер лейтенант барон Трубецкой – командир подводной лодки «Сом», единственной, стоявшей пока без дела у своей базы.

Барон первым делом предложил командующему отобедать, но Рожественский изъявил желание сначала осмотреть подлодку, на что было потрачено более получаса. При этом молодой лейтенант объяснял внутреннее устройство лодки, стараясь загородить собой бензомотор, весь в подтеках масла, так как «Сом» только что вернулся из дозора.

Однако это не помогло. Почти отодвинув командира, адмирал прошел в корму, дотронулся рукой до еще теплого двигателя, посмотрел на свои испачканные мазутом пальцы, понюхал их и задал совершенно неожиданный вопрос: «Как же вы всем этим дышите, когда погружаетесь? Какова скорость вашей лодки, глубина погружения?»

Вопросы следовали один за другим, так что лейтенант едва успевал отвечать. Он был немало смущен сначала тем, что адмирал обнаружил грязь на вверенном ему корабле, а после уже таким вниманием высокого начальства к технической и даже бытовой части службы ее экипажа. Но это был явно не праздный интерес большого начальника. По вопросам чувствовалось, что Рожественский хочет понять, насколько серьезную силу представляет собой этот принципиально новый и не освоенный еще в должной мере вид оружия[3 - В конце 1904 – начале 1905 года в крепости Владивосток произошли революционные волнения, ставшие причиной смещения с должности прежнего коменданта генерал-лейтенанта Воронца.].

Закончив осмотр лодки, офицеры поднялись на борт плавбазы и продолжили беседу уже за обеденным столом, где к ним присоединились также прибывшие по вызову командиры лодок, стоящих в заводе на ремонте и достройке. Командующий слушал своих собеседников очень внимательно, как обычно отмечая что-то в блокноте.

Выяснилось, что кроме «Сома» в крепости имеется еще две боеготовые лодки. «Фельдмаршал граф Шереметев», приписанная к гвардейскому экипажу, несет дозорную службу у острова Аскольд, а «Касатка» ждет очереди на ремонт, так как на самой «Шилке» не то что ремонтироваться, а даже жить затруднительно. Еще одна лодка, «Скат», готовится к практическим стрельбам и пока еще только осваивается экипажем. Сегодня с утра она вышла в учебный поход к острову Попова. «Дельфин» пятого мая поврежден взрывом паров бензина и не боеспособен. Подлодка «Налим» уже полностью прошла курс боевой подготовки, но после произошедшего девятого мая взрыва аккумуляторной батареи ждет новых аккумуляторов и в море не выходит. Ее экипаж временно используется на строительстве береговых укреплений. В течение одного-двух месяцев ожидается введение в строй двух лодок типа Лека – «Осетр» и «Кефаль», если не будет задержек с поставками, каковые уже случались неоднократно. Их экипажи уже сформированы, но в данный момент также задействованы где-то на берегу.

На вопрос: «Насколько серьезен необходимый уже боеспособным лодкам ремонт?» командующему ответили, что все работы можно выполнить за день, максимум полтора. На «Касатке» после переделки балластных цистерн нужно устранить выявленные небольшие недостатки, а на «Скате» починить привод горизонтального руля, но лодки уже неделю стоят в очереди. Там же в заводе с начала мая почти не ремонтируется лодка «Дельфин». И так продвигавшиеся не слишком успешно работы с приходом эскадры вовсе встали.

Выслушав все это, Рожественский нахмурился, затем сказал: «Предлагаю вам в трехдневный срок, а лучше еще раньше собраться всем отрядом и составить записку с указанием всего необходимого для скорейшего приведения в полную боеготовность всех имеющихся лодок. Все подводные лодки сводятся теперь в отдельный отряд подводного плавания. Кого назначить старшим, решите сами. С несения дозорной службы ваш отряд снимается. От строительных и прочих работ на берегу, безусловно, тоже. В ближайшее время получите в качестве базы госпитальное судно «Кострома», где будете иметь гораздо больше возможности для полноценного отдыха.

Из порта «Кострома» перебазировался в бухту Новик, для соблюдения секретности. Ремонт и обслуживание техники отряда поручим плавмастерской «Ксения». Вам надлежит теперь максимально сосредоточиться на боевой подготовке и разработке тактических приемов применения подводных лодок. Вопросы взаимодействия с другими отрядами в процессе боевой подготовки согласуете через штаб. Всемерное содействие со своей стороны я вам обещаю, но и от вас жду многого и надеюсь на вас!»

После чего тепло простившись, отбыл на свой флагман.

Было уже совсем темно. На пути в бухту Новик катер трижды останавливали дозорные суда, что каждый раз вызывало улыбку одобрения у Зиновия Петровича. На «Орле» Рожественский затребовал к себе уже вернувшихся с полигона артиллеристов для доклада о результатах сегодняшних стрельб.

Их доклад по противоминной артиллерии был так же неутешителен, что и предыдущий. 75-мм снаряды пробивали стальные конструкции с минимальным ущербом для них, взрываясь далеко не всегда, 47-мм гранаты взрывались, но их мощности было недостаточно для нанесения серьезных повреждений атакующим миноносцам. А заряда 37-мм снаряда хватало лишь на то, чтобы расколоть его корпус или даже просто вырвать донный взрыватель. Никаких разрушений произвести он был не в силах. Осколки просто падали и ничего не пробивали.

Разглядывая схемы и зарисовки, слушая Берсеньева, командующий все больше мрачнел. Потом приказал ускорить работы со снарядами, а на полигоне использовать для опытных стрельб один из трофейных миноносцев, поскольку это позволяло без сооружения макетов, на что требовалось время, произвести натурные испытания доработанных снарядов уже через два дня.

Затем флагманский артиллерист приступил к докладу о результатах испытаний мелинитовых и «улучшенных» пироксилиновых «старых» стальных снарядов, выпущенных из устаревших орудий, аналогичных установленным в барбетах и казематах «Нахимова» и «Наварина». Начинка снарядов состояла из французского мелинита и флегматизированного пироксилина 12-15 %-ной влажности, а взрыватели заменили трубками Барановского. Стреляли с той же дистанции, но картина была уже совсем другой.

Шестидюймовые снаряды производили значительные разрушения. Старая деревянная баржа-мишень после такого попадания лишилась кормы, разбитой напроць силой взрыва. От попадания 203-миллиметрового фугасного снаряда коечные сетки, закрепленные на берегу, перебило пополам, скрутив в жгуты их обшивку, а за ними во влажной почве образовалась воронка диаметром около 4 метров.

Уверившись, хоть и не до конца, в безопасности стрельбы, руководивший учениями флагарт Берсеньев решил рискнуть. По его распоряжению, припасенный на всякий случай двендцатидюймовый снаряд доставили на борт «Наварина», дымившего на якоре рядом с полигоном, и зарядили в правое орудие носовой башни. Заряд пороха был подобран таким образом, чтобы при выстреле с четырех кабельтовых стальная граната при подлете к цели имела скорость как при выстреле с трех миль.

Уже под вечер все хлопоты были закончены, и в сумерках наваринский главный калибр произвел пробный выстрел по сваленным в солидную кучу старым железным конструкциям. Снаряд удачно попал в старый огнетрубный котел, который в результате разорвало со внутренней стороны, буквально вывернув на изнанку. При этом входное отверстие также разорвало, сделав рваную пробоину с вывернутыми наружу краями, крайне неудобную при заделке в море подручными средствами. А крупные осколки прошили металлические конструкции не только вокруг, но даже и в полукабельтове от места разрыва. Подобный эффект, правда, в разы слабее, уже наблюдался при разрыве восьмидюймовой стальной бомбы. В то время как на меньших калибрах совершенно сходил на нет.

Эти результаты уже вселяли некоторый оптимизм. Опыты с такими снарядами решили продолжать и далее, с целью выяснения их надежности и безопасности для своего корабля. Также решили проверить и доставленные из Севастополя трубки Барановского, установленные в снаряды еще в походе. В цусимском бою отмечалось частое несрабатывание таких взрывателей. Для проведения непрерывных опытных стрельб, согласно составленному артиллерийской комиссией графику, на полигон выделялись дополнительно по одному шестидюймовому и девятидюймовому орудию Обуховского завода и одна 152-миллиметровая пушка системы Канэ с необходимым количеством боеприпасов и соответственным увеличением штатов полигона.

Расставшись со старшим флагманским артиллеристом, Рожественский занялся изучением аналитической записки капитана первого ранга Брусилова, названной: «Возможные варианты развития наступательных действий флота на японских коммуникациях, опираясь на базу Владивосток». Этот офицер был назначен командиром крейсера «Громобой» после ранения Дабича в бою с крейсерами Камимуры. Но получив назначение только к концу февраля 1905 года, прибыл во Владивосток уже после ухода своего корабля к Рожественскому.

Оказавшись в опустевшей базе, только что покинувший пост начальника стратегической части в одном из отделов Главного Морского штаба Лев Александрович, опираясь на свой предыдущий опыт службы в должности флаг-капитана начальника эскадры Тихого океана и плаваний на «Рюрике», «России» и миноносцах, занялся теоретическими проработками. К своей работе он смог привлечь офицеров из штаба и капитанов пароходов, хорошо знавших театр боевых действий и оставшихся на берегу.

С приходом эскадры эти разработки были изучены уже штабом Рожественского, также занимавшимся подобной работой на переходе. В итоге, в результате взаимодополнения двух совершенно разных теоретических выкладок, получился вполне законченный основательный документ.

В попавшей на стол командующего записке уже были обобщены предложения всех офицеров эскадры, штаба, а также ветеранов отряда крейсеров и командиров миноносцев, заслуживавшие внимания и дальнейшей проработки. А также учтен последний опыт океанского плавания современных боевых кораблей, без возможности портового обеспечения.

Из всех вариантов самым эффективным, в плане нанесения ущерба противнику, признавался выход на оперативный простор южнее Цусимы, но при этом возникали естественные сложности со снабжением, так как подобный рейд должен был осуществляться значительными силами и быть достаточно продолжительным, чтобы оказать заметное влияние на японские военные перевозки. Русских баз южнее Владивостока не было, а бункеровка в нейтральных портах представлялась рискованной и затруднительной, учитывая значительное британское присутствие в регионе.

В записке предлагался вариант временной оккупации одного из островов архипелага Рюкю под угольную станцию, со снабжением углем и прочими припасами из Сайгона. Это должен был быть остров с подходящей гаванью для

стоянки крупных судов, достаточно удаленный от судоходных путей и не имеющий телеграфной связи с основной Японией. Самой подходящей кандидатурой, с навигационной точки зрения, выглядел остров Окинава, но он не подходил из-за проходившей через него телеграфной линии Нагасаки – Формоза. Впрочем, и без Окинавы найти укромную бухту для перегрузки угля среди множества этих островов, частью не обитаемых, не так давно аннексированных Японией, было вполне реально.

По данным штаба, полученным от командира интернированного в Сайгоне крейсера «Диана» капитана первого ранга Ливена, там на береговом складе и 15 пароходах уже имелось около 39 000 тонн угля. Еще какое-то количество было закуплено Гинзбургом в конце апреля в Шанхае и также вывезено пароходами в Сайгон. Это еще примерно 20 000 тонн. А последнюю партию купленного в Шанхае угля, по непроверенным пока данным около 50 000 тонн, англичане арестовали на берегу, не дав погрузить.

Таким образом, уголь южнее Цусимы был. Оставалось лишь организовать встречу угольщиков с рейдерами, что было весьма не просто, учитывая возможности связи, навигации и погодные условия. Этот вопрос требовал серьезной проработки и зависел от многих, пока не определенных факторов. В первую очередь от готовности к рейду наших крейсеров. Поэтому его окончательное решение отложили до прояснения ситуации, продолжив работу по отработке способов связи с угольщиками. Вероятные трудности с согласованием действий из Владивостока и Сайгона были вполне разрешимы по средством телеграфа, работавшего вполне надежно.

Организацией угольного конвоя в Сайгоне, по планам штаба, должен был заняться светлейший князь А.А. Ливен, уже занимавшийся наймом пароходов для снабжения второй эскадры ранее. Этот распорядительный офицер, после прихода туда смог навести должный порядок как на складе, так и в порту, наладив дружественные отношения с местной колониальной и военной администрацией, весьма нам симпатизировавшей. Что в достаточной мере проявилось во время стоянки в Индокитае. Кодовую телеграмму о подготовке к выходу в море по первому требованию нескольких пароходов ему планировали послать сразу после прояснения ситуации, а пока с нарочным решили отправить соответствующий приказ штаба флота и особо секретные рекомендации и коды для телеграфного сообщения с Владивостоком и Петербургом.

Уже готовившийся выехать к князю Ливену офицер походного штаба Рожественского мичман Ростамович попутно должен будет доставить свежую штабную корреспонденцию нашему военному представителю в Шанхае полковнику Десино. А также отправить оттуда один из наших пароходов на встречу со вспомогательными крейсерами для передачи им приказа о скорейшем возвращении во Владивосток и инструкций на переход.

Вторым вариантом действий на вражеских судоходных трассах был прорыв наших крейсеров и пароходов-рейдеров в Тихий океан через пролив Цугару. Этот прорыв был возможен, но имел бы лишь набеговой характер, так как действия нашего флота не могли распространяться много южнее Токийского залива, опять же из-за отсутствия передовых пунктов снабжения, что уже подтвердилось рейдом владивостокских крейсеров в июле 1904 года. Грузить уголь в Тихом океане с борта другого судна было не реально по погодным условиям. Несмотря на большой международный резонанс, это все же было кратковременное и не достаточно эффективное воздействие.

Вопрос увеличения времени нахождения наших рейдеров у вражеского Тихоокеанского побережья можно было решить вахтовой службой в тех водах наших больших пароходов-крейсеров. Обладая гораздо большей автономностью и сменяя друг друга для необходимого ремонта и бункеровки хоть во Владивостоке, хоть на островах Рюкю, они могли организовать постоянные дозоры на основных судоходных трассах.

В качестве угольной станции для подобной, фактически автономной экспедиции, предлагалось использовать Порт Лойда на островах Бонин, к югу от Токийского залива, куда можно было отправить несколько пароходов с углем и прочими видами снабжения из того же Сайгона. Однако в этом случае признавалось, что действия одних вспомогательных крейсеров на восточных подходах к внутреннему японскому морю и Токийскому заливу были слишком рискованны.

К тому же крейсерство у Тихоокеанского побережья, из-за огромной протяженности коммуникаций не могло перекрыть полностью движение судов этими маршрутами. К тому же оно не оказывало почти никакого влияния на снабжение японских армий в Маньчжурии и на подвоз сырья и промышленной продукции из Европы через порты острова Кюсю и Симоносекский пролив, где шел основной грузопоток, а следовательно, и на ход войны в целом влияло не слишком сильно, при значительном риске всей операции и огромных затратах. Поэтому этот вариант признавался менее целесообразным.

Существенно усилить давление на японские войсковые коммуникации между метрополией и портами Кореи и Китая было возможно лишь при резком сокращении расстояния до них, то есть при оккупации Цусимы. При всей, кажущейся невероятности этой идеи, её реализация сулила колоссальные преимущества. Одновременно прерывалась прямая телеграфная связь японских армий в Корее и Маньчжурии с метрополией, осуществлявшаяся по кабелям, шедшим через этот остров, а пути подвоза снабжения оказывались под ударом не только крейсеров, но также и наших легких сил, в том числе миноносцев и даже возможно подводных лодок. Более того, при базировании передовых отрядов флота на Цусиму становились достигаемыми даже такие крупные пункты снабжения армии маршала Оямы, как Чемульпо, Порт-Артур и Дальний.

В то же время сразу возникала проблема снабжения столь удаленного гарнизона. Однако в этом случае безопасность наших коммуникаций довольно надежно могла быть обеспечена при контролировании северо-восточного корейского побережья вплоть до Гензана, что теперь было вполне реально, и при нейтрализации японской базы Майдзуру в заливе Вакаса.

Ни в Корее, ни в заливе Вакаса крупных сил японского флота никогда раньше постоянно не базировалось, поэтому нейтрализация этих пунктов внезапным ударом или даже овладение ими (как предлагалось в случае с Гензаном) было вполне выполнимо. Однако требовалась основательная разведка и подготовка.

Даже в случае, если Цусиму в итоге придется оставить, подобный рейд нанесет непоправимый ущерб имиджу Японской империи. Но при этом необходимо провести полноценную организованную эвакуацию, чтобы это не было похоже на бегство и разгром.

Отложив штабные выкладки, Рожественский начал раскладывать на столе большую карту, прилагавшуюся к записке и склеенную из нескольких, так как ни одной подходящей, охватывавшей весь предполагаемый театр боевых действий, просто не было. Но на столе она не поместилась, и ее пришлось расстелать на полу. Масштаб мысли штабных стратегов и охватываемые войной территории впечатляли! Снова взявшись за записи и вооружившись линейкой, Зиновий Петрович продолжил изучение, порой отходя от карты подальше, чтобы окинуть взглядом всю картину.

Так продолжалось еще около часа, после чего, немного поразмыслив, командующий занялся составлением приказа для капитана первого ранга Ливена, мичмана Ростамовича и предварительного плана мероприятий, по разведке и блокированию Майдзуру и оккупации Гензана, с последующей атакой Цусимы. Закончив работу с документами уже далеко за полночь и сразу отправив их в штаб с нарочным с приказом немедленно принять к исполнению, Рожественский наконец лег отдыхать. Но в отличие от похода, не в легкое парусиновое кресло на мостике броненосца, а в постель в своей каюте, что обеспечивало, хотя и краткий, но все же полноценный отдых.

Подводники появились у Рожественского уже через день после его визита, представив на рассмотрение обширный список необходимых запчастей и оборудования. В ходе дальнейшего обсуждения пришли к выводу, что самым надежным и быстрым способом получить все это является закупка в САСШ. Нашему атташе в Сан-Франциско тут же отбили телеграмму со списком, а госпитальное судно «Орел» получило приказ готовиться к срочному переходу через океан. Спустя трое суток «Белый Орел» покинул бухту Золотой Рог и через Курильские острова ушел на восток.

Не менее насыщенным для нового наместника, да и для всех в крепости, выдался и следующий день, и вся неделя, и еще несколько следующих. Город быстро привык жить на осадном положении, которое было введено вскоре после прибытия второй эскадры. Некоторые неудобства вполне компенсировались существенным осложнением работы японским шпионам. Об их арестах по городу ходили настоящие легенды, вплоть до откровенных небылиц.

Кроме того, осадное положение позволило существенно упростить некоторые юридические процедуры, связанные с угрозой обороноспособности крепости. Так, всего за неделю было арестовано и отправлено на исправительные работы в Сучанские угольные копи четверо интендантов, пойманных на воровстве, и двое купцов, желавших нажиться на поставках гнилого провианта и материалов для ремонта кораблей флоту. Кроме них набралось еще два вагона прочей «шпаны», кормившейся в мутной воде и мешавшейся под ногами.

После этих арестов цены на продукты упали аж на треть, а необходимые для гарнизона и флота взрыватели, котельные трубки и даже листовая сталь, правда в ограниченном количестве, нашлись на складах порта и железнодорожных складах Никольск-Уссурийска. К тому же совершенно неожиданно выяснилось, что почти все недостающее оборудование для ввода

в строй второй электростанции уже доставлено, так же как и электрические лебедки для снарядных мастерских.

Также отыскивались дополнительные комплекты армейской и морской формы и сапоги, что позволило наконец полностью обмундировать личный состав флота, изрядно истаскавший в угольных авралах и боях свою одежду и обувь. Медикаменты, шанцевый инструмент, взрывчатка для горных работ и переснаряжения снарядов и прочие полезные вещи находились порой в самых неожиданных местах, так что отпала надобность в их срочной доставке по железной дороге из европейской части страны.

Весь Владивосток жил теперь только для флота. На работы в порт нанимали все новые и новые бригады, формируемые вокруг опытных мастеровых, постоянно прибывавших из Питера, Севастополя и Нижнего Новгорода.

С ремонтировавшихся кораблей круглые сутки доносился грохот кувалд и клепальников, визг лебедок и перестук чеканщиков. Броненосцы и крейсера стояли облепленные баржами, кранами и понтонами со всех сторон. Буксиры и катера сновали между всем этим как муравьи.

Резко и основательно перетряхнули «береговое болото», отправив в отставку часть комендантов сигнальных постов, явно не справлявшихся со своими обязанностями. Времени на раскачку и поучения не было. Вновь назначенных и тех, что остались, всемерно стимулировали к расширению контролируемой территории и обеспечению надежной и быстрой связи. Увеличивались гарнизоны вдоль всего русского Дальневосточного побережья.

Обнаглевших в последние месяцы хунхузов, орудовавших восточнее Сучана вплоть до залива Владимира и далее по побережью, начали усиленно гонять по тайге и горам полицейские команды и казацкие эскадроны, что требовало постоянной подпитки людьми и припасами из гарнизона крепости. Все это стало возможным лишь благодаря резко возросшей интенсивности прибрежного каботажа.

Кроме того, постоянно требовались люди на земляные и другие работы при сооружении новых батарей и прочих военных объектов на берегах залива Петра Великого, куда брали в основном китайцев и корейцев, как более дешевую рабочую силу. Возводились так же дополнительные линии сухопутных укреплений, некоторые береговые батареи переносились на более подходящие места. Причем все перестраиваемые батареи, также как и возводимые вновь,

комплектовались исключительно патронными пушками, выделяемыми флотом.

Вся старая береговая артиллерия сдавалась на хранение или отправлялась в отдаленные бухты для вооружения второстепенных батарей или противодесантных укреплений, так же строившихся в больших количествах. При их возведении часто использовали деревянные основания под орудия, что существенно сокращало затраты средств и времени.

Опытные бригады ухитрялись подготовить площадки под пушки всего за сутки. Конечно, после этого требовалось еще построить брустверы, укрытия и жилье для расчетов. Вырыть и оборудовать погреба, пути подачи боезапаса и командные пункты, но, при необходимости, даже без всего этого батарея уже могла стрелять, что было не маловажно в той тревожной обстановке, что царила в крепости, пока флот стоял на вынужденном приколе.

С максимальным соблюдением секретности силами экипажей разбираемых на запчасти кораблей и штрафников расширялась сеть сигнальных постов, покрывавших все дальние подступы к Владивостоку на островах и побережье, часть из которых (все новые островные) соединили с крепостью телеграфом. Из-за недостатка минеров, для обслуживания этих станций привлекались служащие почтового ведомства, мобилизованные на службу во флот.

В течение всего двух недель общее число сигнальных постов на побережье увеличилось с 32, бывших до прихода эскадры, до более чем полутора сотен. Причем между всеми постами на берегах Амурского, Уссурийского, Посыетского заливов, бухты Америка и далее на восток была проложена телефонная и телеграфная связь, оборудованы коммутаторы, соединенные проводами со штабом.

Интенсивные тренировки минеров, обслуживавших станции беспроволочного телеграфа, не прекращались с приходом в базу ни на один день. Введенные еще в походе на Второй тихоокеанской эскадре дни радио теперь распространились на всю крепость Владивосток и даже на залив Посыет и бухту Ольги, где также было начато сооружение береговых укреплений, организованы новые угольные склады, расширены старые и развернуты довольно мощные радиостанции, доставленные с Балтики и Черного моря.

Поскольку не прекращавшиеся в бухте Новик ни днем, ни ночью ремонтные работы не позволяли организовать нормальный отдых для экипажей, на берегу острова Русский был разбит временный лагерь, а штаб разместился на борту «Урала». На этом крейсере также были оборудованы учебные классы для занятий моряков с эскадры и мобилизованных связистов из береговой обороны крепости.

Все занятия радио-телеграфистов, как ветеранов, так и вновь набранных уже в базе, проводились с соблюдением максимальной секретности. Отрабатывались операции как приема и передачи телеграмм, с определением примерного пеленга на передатчик, так и их быстрой шифровки и дешифровки. Разрабатывались новые шифры и коды. Для ускорения обработки телеграмм упрощались уже имевшиеся.

Активные строительные работы, направленные на укрепление крепости с моря, проводились при широком использовании армейских частей, отправлявшихся целыми батальонами и даже полками в отдаленные бухты для саперных работ на длительное время. Это позволило незаметно для японской агентуры организовать учебные лагеря в бухтах Стрелок и Восток, где войска обучались высадке с судов на необорудованный берег и в портах, взаимодействию с корабельной артиллерией и сооружению временных пристаней. Разрабатывались оптимальные варианты погрузки-разгрузки снаряжения и снабжения на пароходы. Для этих целей использовались 2 трофейных судна и вооруженный двумя 75-миллиметровками транспорт «Алеут», являвшийся одновременно судном снабжения учебных частей.

По распоряжению Рожественского, вооружение получили все транспорты Владивостокского порта и даже оба буксира, пришедшие с эскадрой. При этом калибр 47 мм был минимальным и являлся не более чем второстепенным, а пароходы более 3500 тонн имели уже от двух до трех шестидюймовок или стодвадцаток.

Причем командующий лично контролировал эти работы, выполняемые самими экипажами судов. Орудия брали с выведенных пока из боевого состава больших броненосных крейсеров и «Суворова» с «Ослябей», но частично комплектовали береговыми или вновь прибывшими расчетами, так как опытные комендоры были нужны для восполнения потерь на действующей эскадре.

Возражения некоторых офицеров по поводу фактического вынужденного разграбления этих четырех кораблей Рожественский отменил категорическим распоряжением обеспечить ремонт и перевооружение действующего состава флота и судов обеспечения в кратчайшие сроки и любыми способами.

А поскольку прибывающих по железной дороге пополнений и материалов было для этого явно недостаточно, вопрос был закрыт. Хотя в столицу ушло несколько «кляуз» на самодурство нового наместника императора, слишком много о себе возомнившего.

Не оставил Рожественский без внимания и еще один, только зарождавшийся вид оружия. Посетив Владивостокскую крепостную воздухоплавательную роту, он долго беседовал с ее командиром капитаном военного ведомства Постниковым, а также его заместителями лейтенантами Алексеевым и Большовым, пообещав содействие со своей стороны в любых вопросах.

При этом Зиновий Петрович восхитился способности русского человека делать из неподходящих и негодных вещей вполне работоспособные и отвечающие своему назначению приборы и конструкции. На неотложные нужды воздухоплавателей было выделено 25 000 рублей из «призовых денег». Кроме того, по его приказу изысканы необходимые для производства газа 780 пудов кислоты и 4 ведра кюновского лака для ремонта оболочек шаров.

На вооружении роты на тот момент состояли три сферических шара в 400–500 кубов, изготовленные во Владивостоке, еще два таких же шара были доставлены из Севастополя летом 1904 года, а к осени прибыли еще три германских аэростата объемом по 700 кубических метров. Для обслуживания шаров рота была укомплектована приборами и газоделательным заводом, доставленными также из севастопольского парка.

Самым свежим пополнением были 4 немецких змейковых аэростата системы «Персиваль-Зигсфельд», прозванные обслугой за свою специфическую форму «колбасой», со всем необходимым оборудованием и приборами с крейсера «Русь» и еще 2 шара, не успевшие в Порт-Артур.

Вооружение и оснащение содержалось в образцовом порядке, что было очень не просто из-за нехватки помещений. Кроме того, приписанные к роте пароходы «Колыма» и «Камчадал» были недостаточно оборудованы для базирования аэростатов. На них не было никаких механических приспособлений для подъема и спуска шаров. Все выполнялось с помощью ручных лебедок, а потому очень

медленно. Не хватало людей.

После визита командующего воздухофлота начала быстро расширяться, вскоре переформировавшись в воздухоплавательный парк, который обосновался на острове Русском. Рядом с береговой батареей у мыса Вятлина оборудовали полигон с ангарами и мастерскими, где постоянно проводили учения и тренировки палубных команд, поднимавших аэростаты без экипажей.

Регулярные учения, проводимые как заместителем командира роты Большовым, безусловно, одним из самых подготовленных русских морских воздухоплавателей, так и лейтенантом Алексеевым и мичманом Дорожинским, в тесном взаимодействии с флотским командованием, позволили значительно повысить уровень подготовки аэронаблюдателей – старослужащих роты, вполне освоившихся со спецификой местных погодных условий. А также обучить несколько новых квалифицированных экипажей аэронаблюдателей.

Это позволило выделить часть сил для обеспечения наблюдения за подходами к заливу Петра Великого с моря. Был развернут передовой сигнальный пост, оснащенный аэростатом, газоделательным заводом и запасом газа в баллонах, а также станцией беспроволочного телеграфа, на острове Рикорда. А флот аэростатоносцев пополнился крейсером второго ранга «Урал», поставленным к стенке завода вне графика для проведения необходимых работ. Все носители аэростатов оснащались газоделательным оборудованием и запасом газа в баллонах, достаточным для наполнения шара.

Кроме того, по рекомендации воздухоплавателей поддержанной Рожественским, все аэростатоносцы в обязательном порядке должны были иметь обширные парусиновые тенты в корме. Эти легкие сооружения предназначались для укрытия готовых к подъему шаров от искр из дымовых труб, ветра и волн.

Для ускорения подъема и опускания шара устанавливались паровые или электрические лебедки и прочие приспособления для обслуживания аэростатов. Многие из них изготавливались впервые. Носители шаров должны были иметь также один запасной шар со всем положенным оснащением и достаточным запасом химикалий для заполнения его оболочки в случае потери основного аэростата.

Также началась серьезная разработка тактики применения пароподъемно-аэростатоносцев в составе эскадры при ведении морского боя, блокаде побережья или атаке на хорошо укрепленную береговую позицию. Кроме того, прорабатывались способы управления отрядами кораблей, действующих вне зоны видимости друг друга через аэростат-ретранслятор при невозможности радиосвязи в условиях активного противодействия противника.

Быстрому и успешному развитию воздухоплавания во Владивостоке очень способствовали специалисты, присланные из Маньчжурской армии от полковника Кованько и меценатская деятельность графа С.А. Строганова. Еще до прихода 2-й эскадры и Цусимской победы, он перечислил флоту 1 850 000 рублей золотом, из них 1 500 000 на крейсер «Русь», так и не добравшийся до театра боевых действий. После Цусимы он взял на себя все расходы по оснащению дальневосточных воздухоплателей и отправил во Владивосток своего полномочного представителя, включенного в штаб Рождественского в качестве советника. На его средства в дальнейшем был закуплен новый газодельный завод и дополнительное оборудование для организации воздухоплавательной базы Цусимских островов.

Каждый день проводились учения и тренировки части экипажей отремонтированных броненосцев и крейсеров, ходивших в море на борту «Богатыря». Такая ротация сигнальных, минных и артиллерийских команд, на единственном тренирующемся крейсере и двух дежурных кораблях, позволила поддерживать высокую боеготовность экипажей. Команды с «Николая» тренировались на «Наварине» и «Ушакове», имевших такую же артиллерию среднего калибра.

Для учебных целей, подальше от города и лишних глаз, был организован еще один артиллерийский полигон на мысе Ахлестышева, где был сооружен макет береговой батареи с орудиями из сосновых бревен и их прислужкой из соломенных чучел, одетых в списанные армейские мундиры. Стрельбы по буксируемым щитам сменялись учебными атаками береговых батарей с отработкой ведения огня новыми шрапнельными 75-мм снарядами. Боеприпасов не жалели, людей и пушек тоже.

Новые шрапнельные снаряды оказались чрезвычайно эффективными против открытых артиллерийских позиций. Уже при первых опытах выяснилось, что даже на максимальной дальности в 6,4 километра, которую обеспечивала 22-секундная трубка, при ведении огня в сравнительно безопасных условиях, позиции противника возможно, буквально засыпать шрапнельными пулями пятилинейного калибра.

Первые практические стрельбы шрапнелью состоялись 27 мая. «Богатырь», после двух пристрелочных галсов, уточнил дистанцию, используя свой главный калибр. После чего поставил «вражескую батарею» себе на траверз и открыл огонь из трехдюймовок с максимальной скорострельностью.

При этом крейсер держал высокую скорость хода, что в теории позволяло уклониться от ответного огня резким маневрированием. На скорости в 20 узлов, его хорошо натренированные расчеты достигли боевой скорострельности в 10 выстрелов в минуту на каждый трехдюймовый ствол, обеспечивая постоянное уверенное поражение мишени.

Проведенные перед стрельбами расчеты показывали, что при таком положении цели относительно крейсера дистанция до нее изменялась всего на 40 метров в минуту, что в течение трех минут не выходило за пределы эллипса рассеивания 75-мм Канэ размером примерно 105 на 120 метров на такой дальности. К тому же эти границы дополнительно расширялись рассеиванием самой шрапнели.

Все это позволяло, теоретически, не менять прицела орудий и установки трубки на снарядах, приготовленных заранее, еще при пристрелочных галсах, в течение двух-трех минут, стреляя с максимальной частотой. Благодаря чему на «вражеские позиции» с одного только бронепалубного крейсера обрушивалось по 60 шрапнельных снарядов в минуту, каждый из которых высыпал на головы орудийных расчетов по 184 пули диаметром в 12,7 мм. Все вместе это давало более 11 000 пуль в минуту. То есть снова теоретически приравнялось к огню 18 пулеметов по одной батарее, причем сверху, откуда ее не могли защитить никакие брустверы. Но до первой стрельбы это все оставалось лишь невероятно привлекательной теорией.

После пятнадцати минут обстрела огонь прекратили и двинулись к берегу, где офицеры и комендоры своими глазами увидели результат. На позициях осталось чуть менее трети целых «японцев», а бревна-стволы были изрублены круглыми

стальными пулями. Получалось, что в реальных боевых условиях за те пятнадцать минут, что велся огонь, орудийную прислугу буквально смело бы с позиций. Уцелевшие вряд ли смогли бы под таким ливнем пуль обслуживать пушки и, скорее всего, ушли бы в укрытия.

Результаты стрельб тут же засекретили, а Рождественский лично взял с каждого, кто был в тот день на полигоне, слово чести, что он никогда и никому до окончания войны не расскажет о том, что здесь увидел. Столь впечатляющий результат давал нам в руки серьезный козырь, о котором противнику знать пока не полагалось.

С этого дня тренировочную береговую батарею обслуживала постоянная специальная команда, получавшая двойное жалованье, но зато не имевшая выхода в город. А на старых броненосцах, по распоряжению штаба флота, начали готовить дополнительные позиции для установки трехдюймовок и уплотнять погреба для увеличения боезапаса этого калибра. В Петербург была отправлена телеграмма с запросом на дополнительные шрапнельные снаряды в больших количествах.

Орудия в бухте Парис и у мыса Ахлестышева грохотали теперь с утра до вечера. Стрельбы шрапнелью дополнились тренировочными стрельбами сегментными снарядами из тяжелых орудий. При условии предварительной пристрелки и с использованием половинного заряда для экономии ресурса стволов и получения более крутой траектории, восьми- и двенадцатидюймовые сегментные боеприпасы с шестнадцатисекундной трубкой, также считались теоретически довольно эффективными против открытых орудийных дворики на дистанциях до 25 кабельтовых.

Но из-за неточного срабатывания трубок подрывы зарядов происходили с большим разбросом по дальности, что резко снижало реальную эффективность. Попытки доработать взрыватели пока успехом не увенчались, так что сегментные снаряды решено было оставить на «черный день».

Увеличить дальность применения таких снарядов было возможно увеличением задержки по трубке, но это еще больше увеличивало разброс срабатывания по времени. А капитальные доработки, предложенные артиллеристами, оказались довольно трудоемкими и затратными, из-за чего их отложили на потом. В итоге эти боеприпасы считались лишь ограниченно пригодными для стрельбы по береговым целям, так как, помимо собственных изъянов, для их применения

требовалось сблизиться с целью, что было возможно лишь при почти полном отсутствии противодействия со стороны противника.

Для определения эффективности десятидюймовых боеприпасов была задействована саперная батарея. Стоявшие на ее вооружении пушки были идентичны по баллистике тем, что стояли в башнях броненосцев береговой обороны. Ее опытные стрельбы показали значительное разрушительное действие фугасных снарядов, заметно превосходивших по производимому эффекту даже двенадцатидюймовые. Сегментные и чугунные снаряды также были признаны лишь ограниченно годными к использованию против берега, причем только с использованием уменьшенного заряда.

Помимо тренировочных стрельб «Богатыря», «Нахимова» и «Наварина» на полигонных пушках испытывались новые переснаряженные снаряды с начинкой из аммонала, пороха и пироксилина. Взрыватели применялись только старого типа, слегка доработанные в артиллерийских мастерских, что давало почти гарантированный разрыв даже при падении в воду. Перешли на заряды из бездымного пороха для всех моделей орудий, как на кораблях, так и на берегу.

Предполагавшееся в начале использование для новых скорострельных шестидюймовок начавших поступать тонкостенных мощных бомб Рудницкого осуществить не удалось, так как они не были рассчитаны на такие начальные скорости, и потому стрельба ими была не безопасна. При шестом испытательном выстреле бомба взорвалась на выходе из ствола, полностью выведя орудие из строя. Находившийся в этот момент в укрытии расчет не пострадал.

Использование подобных снарядов в орудиях старых моделей с зарядом из бездымного пороха признали возможным и даже весьма желательным. Благодаря высокому процентному содержанию взрывчатки, эти боеприпасы обладали гораздо более мощным разрушающим действием.

В итоге всех опытов пришли к мнению, что на данный момент наиболее подходящим вариантом для скорострельных орудий являются «новые» переснаряженные порохом бронебойные снаряды с модернизированными донными взрывателями системы Бринка, в которых замена бойка и еще кое-какие доработки принципиально повысили надежность срабатывания после пробития даже тонкой брони. Все фугасные боеприпасы получили гораздо более чувствительные старые донные взрыватели Барановского и также пороховой разрывной заряд. Проверка оставшихся старых взрывателей с Черного моря

показала брак примерно в тридцать процентов, вероятно, из-за ненадлежащего хранения.

От пироксилиновых снарядов вынуждены были отказаться совсем, так как в них изначально мощная, но очень чувствительная и химически активная взрывчатка, даже флегматизированная до влажности 12–20 %, хотя и давала силу взрыва, большую чем пороховой заряд, но, вступая в реакцию с металлом корпуса снаряда, уже не обеспечивала приемлемую безопасность, грозя самопроизвольной детонацией, а контактируя с атмосферным воздухом, наоборот, быстро разлагалась и теряла свою разрывную силу.

Однако отмечалось, что оба типа имеющихся снарядов для скорострельной артиллерии являются скорее двумя вариантами бронепробивающих боеприпасов с прочным корпусом и недостаточным бризантным действием для фугасов. В этой связи считалось, что при бомбардировке береговых объектов снаряды скорострельных пушек будут недостаточно эффективны.

Бомбы завода Рудницкого подходили для разрушения укреплений и поражения небронированных целей гораздо лучше. Все поступавшие в крепость такие снаряды не медленно отправлялись в погреба кораблей, имевших старую нескорострельную артиллерию. Но их было еще чрезвычайно мало. К тому же часть привезенного «извели» на опытных и тренировочных стрельбах.

Через плутонги «Богатыря», а частично «Наварина» и «Нахимова», прошли все комендоры действующего флота. При столь интенсивном использовании к 4 июня все шестидюймовки крейсера уже были расстреляны до упора, и его вывели в резерв для замены артиллерии. Из-за задержек поставок, пришлось использовать пушки «Александра», уже частично раскомплектованного сначала для ремонта приводов его башен, а потом для восстановления боеспособности «Орла» и «Бородино».

Несмотря на широкое применение «Богатыря» в учебных целях, на нем успели испытать также и два способа подкрепления палубных фундаментов шестидюймовых орудий. Так как при контрольных стрельбах на большие дистанции выяснилось, что механизмы вертикальной наводки выходят из строя не только из-за слабости подъемных дуг, а большей частью от проседания палубы при выстреле с большим возвышением ствола, теперь для всех кораблей, имеющих на вооружении палубные 152-мм пушки Канэ, был разработан стандартный тип усиленного фундамента. Чертежи его деталей отправили на

завод, а также в депо и на вагонный завод, активно работавшие теперь на нужды флота.

Следом за «Богатырем» были вынуждены заменить расстрелянные стволы своих шестидюймовок «Наварин» и «Адмирал Нахимов». Старые шестидюймовки с длинной ствола в тридцать пять калибров имелись в крепости в достаточном количестве, но замену проводили поэтапно, снимая не более половины пушек одного борта за раз, чтобы не лишать корабли, все так же несшие боевое дежурство, боеспособности вовсе.

В работах по ремонту эскадры были заняты все экипажи. Лишь комендоры, сигнальщики и минеры часто отвлекались на учебные стрельбы и практические занятия. Казалось, при такой загруженности ни о каких дополнительных работах не может быть и речи, но однажды вечером Рождественский обнаружил в очередных бумагах у себя на столе заявки от командиров крейсеров «Светлана» и «Аврора» на дополнительные орудия для усиления вооружения кораблей. Схемы и расчеты, составленные судовыми механиками и уже проверенные Политовским, прилагались, так же как и положительное заключение инженерного корпуса эскадры.

Согласно докладной записке командира «Авроры» капитана первого ранга Е.Р. Егорьева, на его крейсере было можно разместить еще два 6-дюймовых орудия в диаметральной плоскости. Одно позади погонной пушки на баке, стволом в корму. А второе на юте, позади уже имеющегося там орудия, которое разворачивалось стволом вперед и переставлялось немного дальше в нос. Для обеспечения поворота орудия нужно было срезать часть кормовой противоосколочной защиты, но её для компенсации веса предлагалось снять вообще. Прикрытые новыми увеличенными щитами пушки в ней уже не так нуждались.

Правда, при этом нужно было расширить слишком узкую палубу юта, для свободы действий расчета дополнительной пушки. Это расширение предлагалось изготовить из легких решеток. Зато после планируемого довооружения бортовой залп «Авроры» достигал 9 стволов. Даже больше чем на башенных «Олеге» и «Богатыре». А, учитывая некоторую медлительность башенных установок новейших русских бронепалубников, суммарный вес минутного залпа «Авроры» после довооружения превосходил бы таковой у любого из легких крейсеров.

Капитан первого ранга Шеин, командир «Светланы» докладывал, что силами экипажа крейсера разобран кормовой адмиральский салон и, таким образом, освобоодилось место для дополнительной шестидюймовки, которую можно установить на его месте, несколько дальше в нос от ретирального орудия такого же калибра.

Все внутренние адмиральские помещения крейсера-яхты также разобраны и сданы на склад в порту. Кроме того, подготовлены места для установки дополнительных 75 мм пушек, что не требует больших доработок по корпусу и подкрепления палубы. Их общее число было возможно довести до 12 стволов. А для устройства дополнительной постоянной защиты артиллерии и подачи боезапаса нужно около 140 пудов тонкой брони.

Благодаря избавлению крейсера от тяжелых «адмиральских апартаментов», после запланированного довооружения и добронирования, имевшаяся строительная перегрузка не увеличивалась. Чертежи, выполненные старшим судовым механиком крейсера А.П. Петровым 2-м, прилагаются. Эти записки командующий одобрил, тут же распорядившись выделить все необходимые материалы и оборудование, приказав Берсеньеву проверить их реализацию в ближайшее время. А командирам крейсеров объявил благодарность в приказе по флоту.

Еще одним приятным моментом стала встреча с полковником Скерским, прибывшим добровольцем для дальнейшего прохождения службы в подчинении наместника императора. Этот офицер, с момента окончания боевых действий на Памире против китайцев в 1901 году состоял в распоряжении Главного Штаба. Однако, узнав об активизации действий на Дальнем Востоке, отправился во Владивосток, заручившись рекомендательным письмом от своего бывшего сослуживца в отряде Ионова по Памирскому походу полковника Юденича, недавно произведенного за заслуги в генерал-майоры и находящегося на излечении после ранения в шею в одном из госпиталей Маньчжурской армии.

Этот инициативный офицер в личной беседе предложил использовать хорошо зарекомендовавшие себя в персидских походах ракеты Константинова, теперь уже снятые с вооружения, но все еще хранившиеся на складах. Для демонстрации возможностей этого необычного оружия он предлагал использовать привезенные им, закупленные на собственные средства на Николаевском заводе десятков четырехдюймовых ракет с тремя станками.

По его словам, на складах завода до сих пор хранилось некоторое количество таких боеприпасов, не выкупленных военным ведомством, калибром в 2, 2,5 и 4 дюйма со станками. Все в боеспособном состоянии. Имелась возможность быстро наладить массовый выпуск всех этих ракет снова.

Испытания, проведенные буквально на следующий день на артиллерийском полигоне, произвели на Рожественского сильное впечатление. Он никак не ожидал, что ракета, разработанная еще в середине прошлого века способна лететь на дальность более 4000 метров, при этом достаточно точно поражать цель.

Столь выдающиеся баллистические характеристики обеспечивались вращением ракеты вокруг своей оси благодаря специальным соплам. При этом разброс залпа по ширине едва превышал два десятка метров от оси прицеливания, в то время как ближайšie иностранные аналоги, как сказали штабные артиллеристы, давали минимум 170! По этой причине этот вид оружия и не прижился нигде. А безупречное срабатывание гранаты, весом больше четырех килограммов, обеспечивало серьезные разрушения легких полевых укреплений со значительным осколочным поражением.

Вес самой ракеты не превышал двух пудов в самом тяжелом варианте, а станка всего 60 килограммов. При этом к таким ракетам имелись еще и картечные, зажигательные и осветительные боевые части, что сильно расширяло спектр возможного применения нового (старого) оружия.

Результаты ракетных стрельб снова засекретили, а самого полковника Скерского назначили начальником вновь созданного секретного ракетного отдела при штабе наместника. В ближайшее время он должен был организовать учебные классы по использованию ракетного оружия и разработать тактику его массированного применения в обороне и наступлении, а также использование с палуб небольших кораблей или подводных лодок, по образцу применения ракет с подводной лодки Шильдера в 1835 году.

Из призового фонда Скерскому выплатили 45 000 рублей в качестве компенсации, за расходы по приобретению и доставке опытной партии ракет, и снова отправили его в Николаев, для скорейшего проведения переговоров о срочном начале выпуска и поставок ракет для нужд Дальнего Востока.

Оплата всех этих работ, в том числе и авансовый платеж для немедленного возобновления производства, должна была производиться все из того же призового фонда. Но из-за некоторых задержек, вызванных бухгалтерской бюрократией, компенсацию и авансовые платежи для заводов Рождественский был вынужден выплатить из собственных средств.

После активных телеграфных переговоров как Скерского, так и самого наместника, удалось запустить производство в Николаеве и на Шосткинском пороховом заводе уже во второй декаде июня. Первую партию ракет и станков с заводов ожидали получить к концу июля. Поставки с армейских складов должны были начаться раньше, но там были только осветительные ракеты. Все остальные оказались непригодными из-за несоблюдения условий хранения.

К концу мая благополучно вернулись все четыре разведочные парусные экспедиции, доставившие важные сведения. В районе Гензана было выявлено наличие патрульных судов противника у входа в Броутонов залив и у порта Шестакова. Но большинство из них обычные парусные шхуны, вооруженные пехотными пушками или пулеметами. Судов с паровым двигателем у берегов Кореи почти нет.

В заливе Вакаса боевых кораблей не было обнаружено вовсе. Только многочисленные рыбацкие суда и каботажники, преимущественно парусные шхуны. Навигационные огни горят как в мирное время. К самой базе Майдзуру разведчики приближаться не рискнули, из-за наличия там дозорных миноносцев, но у порта Цуруга, в западном углу залива, японских патрулей не видели. Правда и интенсивного судоходства тоже. Только прибрежный каботаж, преимущественно парусный.

У пролива Цугару также дозоров не было. Лишь в глубине пролива замечен пароход, стоявший под берегом и запрашивавший что-то с входящих судов сигнальным фонарем. Вполне возможно это была брандвахта. Проверять это не стали, так как не знали, как реагировать на ее запрос. Маяки включаются только для прохождения судов.

Последней вернулась шхуна, ходившая к Цусиме. Ей удалось выявить две линии дозоров севернее Цусимских проливов, состоящих из каботажных пароходов, шхун и вспомогательных крейсеров. Проникнуть в район Симоносеки не удалось, так как подходы к нему плотно перекрыты патрулями. Зато вдоль западного побережья Кореи от Фузана до Гензана встречаются лишь рыбаки да небольшие

корейские грузовые шхуны, снующие вдоль берега. Но на берегу в нескольких местах отмечена световая сигнализация, возможно с сигнальных постов.

Глава 4

Штаб Рожественского в течение двух недель со дня прихода эскадры сильно расширился и размещался в основном на крейсере «Урал». Только когда этот крейсер ушел из бухты Новик в порт на оснащение воздухоплавательным оборудованием, штаб и все учебные классы с него съехали на берег, расположившись в штабных помещениях и казармах форта Русских. Но это был штаб действующей эскадры флота, так сказать походный штаб командующего, который, несмотря на новые обязанности, по-прежнему был намерен лично руководить основными операциями на море.

Для управления военно-морскими делами на всем обширном театре боевых действий параллельно в самом Владивостоке шло формирование основного штаба флота, для размещения которого подыскивалось подходящее здание, поскольку старые помещения оказались теперь тесноваты.

По замыслу наместника, он должен был состоять из разведывательно-аналитического, технического, тактического и стратегического отделов. Кроме того, в него обязательно должна была войти артиллерийская комиссия, продолжавшая опыты со снарядами и пушками и способами управления огнем. Причем теперь внимание обращалось и на береговые пушки, в том числе и старых не скорострельных моделей, с разработкой новых методик их применения и доработкой боекомплектов. Также в составе штаба должен был работать и комитет перспективных вооружений, занимавшийся в основном аэростатами и подлодками.

Комплектовались оба штаба преимущественно из офицеров, имевших боевой опыт, в том числе и из тех, что раньше были на штабной работе во Владивостоке или даже в Порт-Артуре. Так в тактическом отделе работал капитан второго ранга Кладо, бывший начальником военно-морского отдела в штабе Скрыдлова. А разведывательно-аналитический отдел возглавил капитан второго ранга Русин. Общая численность штабных офицеров перевалила за сто человек, и работы хватало всем. Все ответственные должности комплектовались

добровольцами и только после личной беседы с командующим. Самым строжайшим образом соблюдалась секретность.

Разведывательная деятельность резко усилилась. Расширялась сеть агентов в Китае, Корее и Шанхае, а к Японским и Корейским берегам снарядили и отправили вторую разведочную экспедицию из шхун. Кроме того, из Петербурга русские военные атташе в Англии, Франции, Германии и САСШ получили списки наиболее активно сотрудничающих с Японцами фирм и начали наблюдение за ними.

От многочисленной агентуры на местах все время поступали свежие сведения о противнике. Крупинки информации от агентов среди портовых рабочих и грузчиков стекались к русским резидентам, и уже обработанные и проверенные отправлялись во Владивосток, где все это анализировалось, еще раз проверялось и складывалась в общую картину. К началу июня уже было известно, что броненосные крейсера японцев «Токива» и «Адзума» ремонтируются в Сасебо, а «Якумо» в Нагасаки.

Эти сведения были получены от капитана немецкого парохода «Рейн», пришедшего во Владивосток буквально на днях. По словам немца, ему об этом рассказал один знакомый шкипер – австриец, встреченный им в Шанхае при последней бункеровке. Тот возвращался из Японии и видел эти крейсера сам. «Рейн» доставил груз паровых электрических машин, лебедек с паровым и электрическим приводом, радиостанции большой дальности (аналогичную стоявшей на «Урале»), а также кузнечное и прочее оборудование для портовых мастерских.

Значение доставленного оборудования было трудно переоценить. Из разговора со шкипером выяснилось, что изначально это все предназначалось для немецкой базы Циндао, но было перекуплено уже в море Главным управлением торгового мореплавания и портов, возглавляемым великим князем Александром Михайловичем. Уже после войны выяснилось, что сведения о грузе тот получил напрямую от принца Генриха, и через него же затем распоряжение самого Кайзера Вильгельма II, разрешающее заключение сделки. Факт перекупки груза держался в тайне, чтобы не привлекать к судну лишнего внимания. Это позволило, воспользовавшись дождливой погодой и ночной темнотой, благополучно проскочить контролируемые японцами Цусимские проливы.

Но кроме груза, Рождественского заинтересовал и сам пароход. Это было крупное судно с максимальным ходом в 15 узлов и водоизмещением за 10 000 тонн. Капитан не скрывал, что его владелец, фирма Норд Дойче Ллойд планировала продать «Рейн». Телеграмму о желательности срочного приобретения этого парохода для нужд флота отправили в столицу уже в день его прибытия. Однако из-за бюрократических проволочек окончательно вопрос решился гораздо позже.

Про «Касаги» знали, что он встал в док для исправления повреждений в Йокосуке, но насколько серьезны эти повреждения, известно не было. Разведкой отмечалось нахождение в Мозампо и Сасебо большого числа поврежденных миноносцев. На стоянках японского флота в Озаки и Такесики на Цусиме, вероятно, также ведутся ремонтные работы на крупных кораблях. Но на каких именно установить не удалось. Известно лишь, что туда отправлена плавмастерская «Куанто-Мару» и два больших парохода, в том числе база миноносцев «Карасаки-Мару» с оборудованием и снабжением. Возможно, именно там и стоят теперь «Асахи» и два японских броненосных крейсера «Касуга» и «Асама».

Исходя из предположения, что они не поставлены в док, а ремонтируются на плаву при помощи плавмастерской, считалось, что их повреждения не столь значительны и они могут выйти в море в ближайшее время. Об остальных японских броненосцах и крейсерах никаких новых сведений не было до сих пор.

Виденный затонувшим на отмели у острова Окиносима, «Микаса» вполне мог быть уже поднят японцами и введен в док для ремонта. Следовательно, можно ожидать его скорого появления в море. А гибель «Сикисимы», о которой стало известно после публикаций интервью бывшего на нем в бою американского морского офицера, ничем более не подтверждалась.

Из столицы пришла долгожданная телеграмма, сообщавшая, что 1 июня с Балтики вышла третья эскадра для усиления Тихоокеанского флота под командованием вице-адмирала Дубасова. Она состоит из броненосцев «Слава» (пятого корабля серии «Бородино»), «Александр II», (аналога «Николая I»). Крейсеров «Память Азова» и «Адмирал Корнилов», десяти эсминцев, из которых шесть – новейшие минные крейсера, построенные уже по военному проекту с усиленной артиллерией.

На последнем этапе их достройки были учтены рекомендации, отправленные штабом Рожественского, и корабли получили по три трехдюймовки (одна на баке, две на юте) и обычный комплект в четыре 47-миллиметровки. Вся артиллерия была прикрыта противоосколочными щитами. Правда, для компенсации веса пришлось снять один минный аппарат, но это того стоило. С эскадрой идет плавмастерская «Либава» и пять пароходов.

Очень большую роль в столь своевременной сдаче флоту минных крейсеров сыграл великий князь Александр Михайлович. Он, кроме Главного управления руководства мореплавания и портов, руководил еще деятельностью особого комитета по усилению флота и организовал в свое время сбор средств на строительство этой серии миноносцев, а затем контролировал их постройку.

После получения им телеграммы Рожественского, об острейшей потребности Тихоокеанского флота в подобных кораблях и желаемых улучшениях в них, он буквально жил на заводах, чтобы успеть к отправке третьей эскадры. Используя свое положение и знание дела, смог быстро организовать круглосуточную работу заводов и высокое качество постройки. Часть работ предстояло закончить уже в походе, но главное было сделано.

Кроме того, он организовал перевооружение отправленных с эскадрой минных крейсеров «Воевода» и «Посадник» на стандартный трехорудийный трехдюймовый калибр, а эсминцев «Гремящий» и «Видный» 75-мм орудиями вместо кормовых 47-мм. Совместно с великим князем Михаилом, из личных средств оплатил срочную закупку и оборудование в Германии плавмастерской «Либава» для обеспечения перехода эскадры на театр боевых действий. Одновременно на Черном море под его руководством велась подготовка к отправке дополнительного каравана транспортов для нужд третьей эскадры и Владивостокского порта с литейным и кузнечным оборудованием, боеприпасами и необходимым снабжением.

Благодаря его настойчивости, в Петербурге и в Туле организовывалось серийное производство мощных фугасных тонкостенных снарядов крупных калибров по проекту инженера Рудницкого, так как мощностей завода в Варшаве, только еще выходящего на полную мощность после получения срочного заказа от флота, было явно недостаточно. Первая партия таких боеприпасов калибром 152, 203, 229, и 305 мм, изготовленная в Петербурге, была отправлена на Дальний Восток уже во второй половине июля. К сожалению, быстро

организовать производство подобных снарядов для современной скорострельной артиллерии не удалось.

Даже немецкие и французские предприятия брались немедленно начать выпуск только снарядов старого чертежа с малым зарядом взрывчатого вещества. При этом цена таких снарядов получалась даже выше чем произведенных на казенных заводах, при худшем качестве, из-за чего от этой идеи пришлось отказаться.

Однако, из-за нерадивости артиллерийского комитета, никаких срочных мер для расширения производства тяжелых снарядов в России принято не было, что быстро привело к их дефициту в стране. В результате уже в сентябре для пополнения боекомплекта воюющих броненосцев выгребали буквально все, что попадалось под руку.

Тем временем во Владивостоке к 6 июня стало ясно, что ремонт кораблей как в бухте Новик, так и в заводе явно затягивается. Несмотря на круглосуточную работу в течение всего времени пребывания в базе, ни один из ремонтирующихся кораблей еще не был готов.

«Орел», только что вывели из дока, но до сих пор перебирали паропроводы и запорную арматуру. К переборке правой машины вообще еще не приступали, в то время как левая, разобранный еще в доке, до сих пор не была собрана. Требовали притирки клапана донок и паровых магистралей. Установку новой станции беспроволочного телеграфа дальнего действия специалисты фирмы «Телефункен» уже закончили, но продолжались работы с антеннами. Для ремонта котлов не хватало трубок.

«Бородино» занял место своего собрата в доке и ремонтировал забортную арматуру. Трехлопастные винты на нем уже заменили на стандартные для броненосцев этой серии четырехлопастные. Были разобраны 2 шестидюймовые башни, а в кормовой башне главного калибра переделывали электропроводку. По электрической части также были недоделки в рулевом приводе. Срок ввода в строй этого броненосца оценивался Политовским еще в 4-5 дней минимум, после чего массу мелочевки придется доделывать на ходу.

Гораздо хуже обстояли дела с «Александром III». Он закончил ремонт главных механизмов и башен с заменой части поврежденных или изъятых для ремонта других броненосцев броневых плит, норий, электромоторов и станков снятыми с «Суворова». Но для него теперь не было шестидюймовок, использованных для замены пушек «Богатыря». Впрочем, пушки, собранные с «Богатыря» и «Громобоя», на него все же поставили, и он даже вполне прилично отстрелялся из четырех восстановленных списанных шестидюймовок на полигоне. Но из-за загруженности завода и мастерских к ремонту надводного борта и надстроек, буквально разлохмаченных японскими снарядами, даже не приступали, просто заколотив их досками с парусиной. Так же как к устранению повреждений от торпедного попадания в нос. Для выправления погнутых взрывом шпангоутов и ремонта обшивки подводной части корабль готовится к постановке в док. Срок выполнения основных работ был не менее 6 недель, а скорее еще больше, учитывая недостаток материалов и мощностей.

На заводе оказалось крайне мало тонколистовой стали, и её приходилось снимать с выведенных пока из состава флота разбитых кораблей. От чего те постепенно превращались в ржавеющие стальные скелеты. Но даже несмотря на такой, казалось бы, гарантированный источник запчастей для «Бородинцев», как их близнец «Князь Суворов», проблема русской нестандартности изделий одного назначения и типа, но производства разных заводов превращала его использование в проблему.

К примеру, внешне одинаковые 6-дюймовые башни «Суворова» и «Бородино» имели разную конструкцию. Если установки на «Суворове» и «Александре», изготовленные Путиловским заводом, центрировались в вертикальной плоскости верхней и нижней системами катков и имели станки орудий как у системы Кане на центральном штыре, то на «Орле» и «Бородино» в тех же башнях, но уже Металлического завода, была только верхняя система катков, а внизу центровка осуществлялась нижним штыром, и совсем другие станки. И так во всем. Даже листы наружной обшивки у одинаковых кораблей изготавливались и крепились по-разному.

К повреждениям от японских снарядов добавлялись еще и те, что наши корабли причинили себе сами. Больше всего от собственной артиллерии пострадали новейшие броненосцы. Снятие шлюпбалок и некоторых легких конструкций расширило сектора обстрела башен, но вызвало деформации тонкой обшивки фальшборта и надстроек, а также разрушение настила палуб при ведении огня по носовым секторам.

Поэтому теперь на оставшихся в строю «Бородинцах» по единому проекту устранялись повреждения от дульных газов собственных орудий, при стрельбе на острых курсовых углах. Разбитые иллюминаторы заделывались наглухо, горловины угольных ям, потерявшие герметичность, закрывались специальными боевыми колпаками, а деформированная обшивка бортов и фальшборта подкреплялась дополнительными полушпангоутами и накладками. Причем подобные работы проводились и с учетом возможности ведения огня в корму.

Порты батарейной палубы заделывались наглухо броневыми листами внахлест, позаимствованными с «Суворова». А в самой батарее, используя материал траверзного прикрытия, ставший не нужным после снятия пушек, планировалось установить продольную переборку из тонкой брони, для защиты шахт котельных и машинных вентиляторов от осколков и уменьшения объемов вероятного затопления. Но эти планы пока оставались невыполнимыми. Даже первоочередные работы серьезно отставали от графика.

«Сисой Великий» ограничился переборкой главных механизмов, артиллерийской части и бетонированием переборок, примыкающих к затопленным в корме отсекам. Приступить к его нормальному ремонту в данный момент возможности не было.

Осмотр водолазами выявил обширные деформации корпуса в корме. Объем работ оказался неожиданно большим. По прикидкам Политовского, для восстановления обводов кормовой части, а также прочности и герметичности корпуса, нужно было менять несколько листов обшивки и выправить два шпангоута. Учитывая имеющиеся ремонтные возможности, броненосец сможет выйти в море не раньше чем через два месяца.

Уже собранный кессон требовал еще больших подгоночных работ из-за сложных обводов кормовой части, пострадавшей при взрыве, из-за чего от этого отказались, ожидая возможности постановки в док, а кессон использовали для ремонта забортной арматуры «Николая», а затем «Наварина» и «Нахимова».

Для сокращения сроков работ по кораблям «первой очереди» пришлось отказаться от замены мачт на «Ушаковцах». Но даже после этого, уложиться в сроки не удалось. До сих пор на них ведутся работы по артиллерийской части. Незакончен монтаж дополнительных стодвадцаток и их кольцевых барбетов. Разобраны главные паропроводы и запорная арматура. Для завершения работ необходимо еще не менее 6 дней.

Возникли сложности и с «Князьями». Помимо задержек с монтажом banquetов под размещаемые в диаметральной плоскости орудия, вызванных необходимостью заделки некоторых палубных световых люков, переносом кормового резервного рулевого поста и нехваткой листовой и профильной стали, доставленные из Никольск-Уссурийска орудийные щиты, склепанные железнодорожниками, не подошли по месту. Оказалось, что все они были изготовлены с грубейшим несоблюдением чертежа.

Их пришлось отправить на переделку, оставив пушки, перекочевавшие из батарейных палуб и с других кораблей, совершенно открытыми. На исправление брака депо и вагонным мастерским потребуется еще не менее двух недель. Это вместе с необходимостью составления дополнительного комплекта чертежей и со всеми бестолковыми перевозками, неизбежно возникающими при этом. Так что, скорее всего, в море ветеранам учебного отряда придется идти без них.

Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, на снятых с «Донского» и «Мономаха» для замены щитах палубных установок сейчас собирались приклепать на боковые плоскости дополнительную защиту из котельного железа и ставить их на свои прежние места. Правда, времени даже на это уже не хватало. Список невыполненных работ по обоим старым броненосным крейсерам был самым длинным. Для завершения перевооружения нужно не менее недели.

В свете всех этих затруднений, а также из-за отсутствия патронных орудий, вариант, предложенный Костенко, с заменой старой шестидюймовой артиллерии на современную скорострельную на «Наварине», «Николае» и «Нахимове» пришлось отложить до лучших времен. Державшиеся в готовности выйти в море и проводившие учебные стрельбы «Наварин» и «Нахимов» полностью заменили расстрелянные пушки из батарей среднего калибра, выполнив все работы без помощи завода и порта. Они также провели силами машинных команд профилактический ремонт механизмов и котлов, поочередно выводя из действия по одному отделению.

Сначала перебрали первую кочегарку и левую машину, не прекращая выходов на учебные стрельбы, а потом второе котельное и правую машину. Сейчас оба бессменных дозорных последних двух недель встали к стенке завода для переборки запорной арматуры и чистки подводной части, после чего планируется провести ходовые испытания.

В соответствии с приказом командующего, после завершения ремонта, ожидаемого через 5–6 дней, они должны держать эскадренный ход в 13 узлов и не превышать нормальный для своих механизмов расход угля и прочих материалов в переходах. На этот пункт технических характеристик командующий и все офицеры из его штаба обращали теперь самое пристальное внимание, касаясь всех кораблей, выходящих с ремонта.

«Николай I», после Цусимы прозванный на эскадре «крейсеробойцем», благодаря заботам своего нового командира, уже закончил ремонт по механической части и сейчас успешно довооружался 75-мм артиллерией. Проектом предусматривалось доведение ее численности до 16 стволов, полное удаление всей навесной палубы между носовым и командирским мостиками, а также переделка фальшборта в корме для улучшения защищенности и секторов обстрела ютового орудия и кормовых трехдюймовок.

При этом в работах с артиллерией от помощи портовых мастерских и флотских плавмастерских «Николай» отказался, делая все своими силами. По этой части никакого отставания не было. Зато со стороны завода сразу после окончания разборки спардека работы прекратились. Не хватало людей. Пришлось ограничиться простым срубанием части фальшборта в корме, ограничивавшего сектора стрельбы, и устройством импровизированной противоосколочной защиты из бухт троса и колосников.

Дополнительные трехдюймовки, учитывая появление шрапнельных снарядов для них, резко повышали возможности флота в борьбе с береговыми батареями, где и предполагалось использовать ветерана в дальнейшем. Судовыми средствами оборудовались дополнительные погреба для противоминного калибра и уплотнялись жилые помещения для размещения новых расчетов.

При такой занятости на своем корабле капитан второго ранга Шульц, утвержденный в должности командира броненосца, просто не успевал бывать на берегу. Учитывая это, он был освобожден от обязанностей командира Сибирского флотского экипажа. В Петербург на него, в числе многих было отправлено прошение о предоставлении внеочередного звания, но ответа пока не было.

Обязанности командира корабля первого ранга Шульц совмещал с работой в походном штабе, где за хорошее знание театра боевых действий был включен в состав Тактического отдела. С раннего утра он был в штабе, до ночи

распоряжался на броненосце, так что многим было непонятно, когда же он все таки спит.

Вся артиллерия старых кораблей получила новые, более совершенные замки, позволяющие увеличить скорострельность. Эти замки, а также запасные части для патронных орудий и бригада квалифицированных рабочих с Обуховского завода были доставлены из Петербурга специальным литерным поездом неожиданно быстро.

После чего в артиллерийских мастерских Владивостока, куда заранее доставили все нуждавшиеся в доработке орудия, в кратчайшие сроки были проведены необходимые работы. После замены замков пушки уже успели установить на свои места, после чего «антиквары» отстрелялись на полигоне с вполне удовлетворительными результатами.

Теперь их расчеты, практически круглыми сутками, тренировались без боевой стрельбы, в огромных количествах расходуя патроны для стволиковых стрельб. Были отработаны (в теории) методы отражения ночных атак и нападения минных сил противника в тумане артиллерией старых систем.

Несмотря на множество трудностей технического и организационного характера, был полностью завершён ремонт механизмов и артиллерии на всех крейсерах 1-го отряда, за исключением «Богатыря», ещё не успевшего полностью поменять свои расстрелянные орудия, и «Олега», на котором, помимо затянувшейся переборки и ремонта котельного оборудования, монтировали новую мощную радиостанцию, такую же как на «Орле».

«Аврора» и «Светлана» успешно отстреляли дополнительно установленные своими силами орудия. При этом работы были выполнены настолько хорошо, что после пробных стрельб на всех дистанциях повреждений палуб и фундаментов не выявлено. При помощи водолазов максимально хорошо очистили от «бороды» подводные части всех крейсеров, что в сочетании с проведенными работами в кочегарках и машинных отделениях заметно прибавило им резвости и экономичности.

Бронепалубные крейсера второго ранга заменили поврежденную артиллерию, перебрали механизмы и провели значительный объем работ по совершенствованию защиты своей новой трехдюймовой артиллерии и путей

подачи ее боезапаса. На их грот-мачтах мачтах также появились артиллерийские посты, хотя и полностью лишенные какой-либо защиты.

Но, как показал первый же пробный выход «Жемчуга», тонкие мачты оказались слишком подвержены вибрации на ходу, что серьезно снижало точность целеуказаний сверху. К тому же наблюдатели в этих рубках сильно страдали от дыма из труб, поэтому их сняли почти сразу, оставив лишь наблюдательные посты.

Истребители прошли доковый и заводской ремонт, и даже ходовые испытания. На них появились 37-мм автоматические пушки «Максима». К моменту окончания ремонта во Владивосток были доставлены абсолютно все такие орудия, бывшие в пределах Российской империи на тот момент.

Их оказалось недостаточно даже для скромных легких сил Тихоокеанского флота. Всего 8 таких орудий были доставлены с Черного моря, и одно с Балтики. Еще одно стояло на мостике «Николая I», а потом на одном из паровых катеров. Где и прошло «боевое крещение».

В итоге набралось десять 37-мм автоматических пушек. Это позволило на 5 истребителях заменить ими по две 47-миллиметровки, стоявшие под мостиком. По окончательному проекту перевооружения на всех «Невках» три кормовых 47-мм ствола заменили одной трехдюймовкой на ютовой позиции. Были расширены, еще чуть приподняты и более удобно перестроены навесные ходовые мостики позади боевой рубки.

Разбитый прямым попаданием кормовой минный аппарат на «Бодром» заняла третья 75-мм пушка, что делало его самым мощным по артиллерии кораблем в обоих отрядах. Даже у японцев не было такого! Все трехдюймовки на истребителях закрыли объемными щитами, склепанными железнодорожниками. На этот раз с монтажом проблем не возникло.

Экипажи и командиры владивостокских миноносцев прошли ускоренный курс подготовки по новым способам ведения боя и совместного маневрирования ночью в сомкнутом строю. В ходе интенсивных учений, к большому сожалению, был потерян миноносец № 201, выскочивший на камни у острова Шкота. От столкновений пострадали 4 миноноски, 3 из которых настолько серьезно, что не подлежат ремонту, но зато теперь все остальные 7 миноносцев можно считать

готовыми к ведению ночного и дневного боя по новым правилам, а также к групповым минным атакам.

Все номерные миноносцы в данный момент ремонтируются на заводе и оснащаются новыми станциями беспроволочного телеграфа, закупленными в САСШ великим князем Александром и уже доставленными быстроходным пароходом вместе со станками для портowych мастерских. В ходе ремонта особое внимание уделяется главным механизмам и улучшению управляемости и обитаемости мостиков, чтобы обеспечить возможность дальних переходов вместе с флотом. К окончанию ремонта они будут довооружены по проекту инженера Костенко. Для выполнения этих работ уже заготовлены материалы и вооружение.

На № 202 взамен 2 неподвижных носовых минных аппаратов и малокалиберных пушек установят 75 мм орудие позади трубы, а пулемет на крыше рубки заменят на вторую 47-миллиметровку. Миноносцы № 205 и 206 так же лишатся своих минных аппаратов и малокалиберных пушек, но получат стандартный набор из одной 75- и двух 47-мм, № 203 обменяет неподвижный аппарат в форштевне на 75-мм пушку, в дополнение к уже имевшимся двум 47-мм, но сохранит оба поворотных аппарата, благодаря своим размерам. А вот троица типа «Пернов», №№ 209, 210 и 211, для довооружения под стандарт лишатся не только штевневых, но и носовых поворотных аппаратов и после ремонта будет иметь одну 75-мм; две 47-мм и один поворотный минный аппарат в корме. Все вооружение на отремонтированных миноносцах будет размещено в диаметральной плоскости, что даст бортовой артиллерийский залп как у истребителей типа «Сокол»[4 - Подобным образом были перевооружены некоторые уцелевшие балтийские миноносцы типа «Пернов» перед Первой мировой войной.].

Одновременно с резким усилением артиллерии это повысит и мореходность, поскольку демонтаж носовых минных аппаратов разгрузит носовую оконечность. Для улучшения управляемости миноносцы оснастят легкими мостиками с парусиновыми обвесами, поднятыми выше боевой рубки.

Из-за опасений за остойчивость от объемных щитов для трехдюймовок пришлось отказаться, и миноносцы комплектовались 75-миллиметровыми пушками на станках Меллера с обычными плоскими щитами. После разоружения двух броненосцев, «России» и «Громобоя», такие пушки имелись на складах в больших количествах. Сроки окончания работ пока не определены и зависят от

технического состояния кораблей, которые изрядно изношены.

Таким образом, в итоге получалось, что против возможных 2–3 японских броненосцев и 3–5 броненосных крейсеров, теоретически готовых выйти в море из Сасебо, Мозампо и с Цусимы, отряда крейсеров контр-адмирала Уриу с двумя или тремя отрядами истребителей и не менее двух десятков миноносцев мы могли выставить сейчас лишь 3 бронепалубника первого ранга и 2 второго, в сопровождении 6 истребителей. Силы, совершенно несопоставимые, но уже пришла пора для активных действий.

Глава 5

Дело в том, что 3 июня из Шанхая была получена телеграмма от наших вспомогательных крейсеров, доставленная ходившим к ним пароходом «Граф Строганов». В ней сообщалось, что они благополучно собрались все вместе в условленном районе и в данный момент движутся к Владивостоку. От встреченного американского судна им стало известно, что японцы развернули сеть дозоров из вооруженных пароходов у проливов Курильской гряды, усиливая морскую блокаду нашего побережья.

В этой связи принято решение прорываться проливом Цугару, так как при следовании этим маршрутом при той же вероятности обнаружения, зависимость от погоды много ниже. Кроме того, выйдя в Японское море можно затеряться, изменив курс, в то время как прорвавшись через Курилы, где избежать обнаружения просто невозможно, так как кроме дозоров там, скорее всего, имеются еще и японские береговые сигнальные посты, нужно будет форсировать пролив Лаперуза, где японцы легко смогут организовать перехват.

Идти Курильскими проливами было рискованно еще и потому, что на трофейных пароходах угля было в обрез, из-за чего любая задержка, вызванная, к примеру, туманом, вполне обычным в тех местах в это время года, могла привести к почти гарантированной потере судна по причине невозможности приемки топлива в море. Приближаться к побережью для бункеровки также считалось опасным, из-за отсутствия точных сведений о силах флота противника в северных водах Японской империи.

Капитан второго ранга Троян, командир «Риона» и старший в отряде, учитывая возросшую из-за трофеев численность своего соединения, рассчитывал днем 9 июня пройти проливом мимо Хакодате. «Наглый» дневной прорыв, по его мнению, позволит гарантированно избежать навигационных опасностей. Но ввиду тихоходности призов и немецкого судна, в телеграмме высказывалось опасение, что в проливе могут возникнуть осложнения от действий дозорных сил противника. Избежать боя в таких обстоятельствах весьма желательно, но маловероятно.

План прорыва строился на внезапности и решительности действий. Троян предполагал, первым напасть на японские дозорные суда и обстрелять их. В этом случае был шанс, что обнаружив сразу столько «вооруженных» пароходов, японцы не будут активно атаковать, ограничившись лишь наблюдением. А после наступления темноты, оказавшись уже в Японском море, можно будет снова атаковать японских наблюдателей скоростными вспомогательными крейсерами и уйти в отрыв на тихоходных судах.

Риск был, конечно, достаточно велик, но, по мнению Трояна и других командиров крейсеров, все же шансов на успех было больше, чем при следовании через Курильские острова в сложившейся ситуации. Значительная ценность груза на трофейных пароходах и хлебном немце делала этот риск оправданным.

В случае же если флот сможет прикрыть прорыв, вероятность сохранности призов резко возрастала. Даже в самом крайнем случае, при встрече с крупными силами японцев, избавившись от тихоходов, быстроходные пароходы-крейсера и полноценные крейсера имели достаточно шансов прорваться мимо Хакодате.

По предположению аналитического отдела штаба, наш конвой могут ждать в проливе не только вооруженные пароходы, но и японские крейсера, так как имелись сведения, что отряд Уриу ушел на север для наблюдения за передвижениями нашей эскадры и базируется в Хакодате или прилегающих к проливу Цугару водах.

Информация о японском отряде крейсеров косвенно подтверждалась и данными, имевшимися у начальника разведки Тихоокеанского флота капитана второго ранга Русина, об отправке во второй половине мая из Нагасаки в район Хакодате трех флотских угольщиков с боевым кардифским углем. Конечный пункт их маршрута узнать не удалось, но что они ушли именно в северные воды, было

известно наверняка.

Такое перебазирование считалось вполне логичным, так как позволяло перекрыть пути подвоза снабжения для нашего флота через Курильские проливы и пролив Лаперуза. В этом случае шансов оторваться от преследования даже у огромных парходов-крейсеров практически не было. Троян об этом знать, конечно же, не мог, так же как и о неготовности флота к действиям, иначе не пошел бы на такую авантюру. Способов его предупредить за остававшееся время не было.

В связи с этим было принято решение о выходе наших крейсеров, чтобы встретить возвращающийся конвой. Для обеспечения дальней радиосвязи с крейсерами должен был отправиться также крейсер второго ранга «Урал», на котором уже закончили работы по оборудованию газодельцевого завода для аэростатов. Каркас для ангара в кормовой части также был готов, осталось только натянуть парусину. С началом подготовки крейсера к выходу в море на него переехала одна из воздухоплавательных рот Владивостокской крепости.

Штаб к этому времени уже окончательно перебравшись из его просторных салонов в город, где был подготовлен особняк с обширным парком для резиденции наместника. Поскольку сам Рожественский с частью офицеров – ветеранов похода никуда с эскадры съезжать не собирался, перебравшись обратно на свой флагман «Орел», резиденцию отдали под штаб флота. В одном из флигелей разместили станцию беспроволочного телеграфа, одну из доставленных «Рейном», а с городским телеграфом особняк соединился теперь новым кабелем, так что посыльных для отправки депеш не требовалось.

Имеющуюся ранее во Владивостоке достаточно мощную станцию радиосвязи разобрали для перевозки в Корсаковский пост, что планировалось осуществить в ближайшее время, вместе с доставкой туда артиллерии для укрепления береговой обороны и батальона сибирских стрелков, для формирования полноценного гарнизона.

В ближайшее время планировалось превратить Корсаков в передовой пункт базирования флота со всем соответствующим оснащением. Но для этого катастрофически не хватало малых портовых плавсредств для обслуживания судов на рейде. Взять их во Владивостоке, также испытывавшем в подобных судах острую нужду, было невозможно. Выданные местным подрядчикам заказы могли быть исполнены не раньше чем через два-три месяца, а то и позже. Эта

проблема сильно сдерживала начатое создание сети пунктов снабжения легких сил флота. Ее еще предстояло решить.

Станции с «Громобоя», «России» и «Осляби» отремонтировали и отправили пароходами в бухту Владимира, залив Ольги и Императорскую гавань. Вместе с радио на транспорты загрузили телеграфный парк с запасом провода для прокладки дополнительных линий связи с сигнальными постами, четыре батальона пехоты из состава гарнизона крепости Владивосток, артиллерийскую бригаду из состава третьего батальона крепостной артиллерии и батарею осадных пушек в двести пудов.

Набиравшее обороты усиление отдаленных береговых гарнизонов и улучшение связи между ними обеспечивало более надежное прикрытие наших тыловых коммуникаций. Но это важное дело шло пока медленнее, чем хотелось бы. Войска из крепости на отдаленные посты выделялись с большой неохотой.

В самый разгар работ 7 июня прибыл командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Бирилев. На введение его в курс дела и разделение полномочий времени не было, поэтому Рождественский с Бирилевым просто договорились, что оперативные и тактические вопросы остаются за заместителем, а все тыловое обеспечение переходит к комфлота. Поскольку так будет лучше для дела.

Окончательно перебравшиеся в резиденцию еще к 29 мая разведывательно-аналитический, технический и стратегический отделы штаба вместе со специальными комитетами образовали главный штаб Тихоокеанского флота. Его возглавил капитан первого ранга Кладо, отвечавший за планирование операций еще при Скрыдлове.

А оставшийся на борту флагмана тактический отдел, как стал называться несколько расширившийся за счет пополнения офицерами с выведенных из состава флота подбитых кораблей бывший штаб второй эскадры, теперь являлся оперативным, или походным штабом заместителя Императора на Дальнем Востоке. Его все так же возглавлял капитан первого ранга Клапье де Колонг. Этим оперативным штабом в кратчайшие сроки и была разработана первая операция Тихоокеанского флота, опирающегося на базу Владивосток.

В ходе детальной проработки этой вылазки возникла мысль использовать выход крейсеров в море еще и для набеговой операции против порта Наойецу

и железнодорожных тоннелей в районе этого города. Учитывая элемент внезапности, так как все крейсера по документам еще не закончили ремонт, что, скорее всего, было известно японцам, операция имела шансы на успех, учитывая слабость береговой обороны противника на западном побережье японских островов.

В случае успешного нападения на тоннели это позволило бы перекрыть сообщение с расположенным севернее портом Ниигата по суше и одновременно пополнить за счет японцев парк портовых плавсредств. Поскольку в Наойецу погрузка и разгрузка судов осуществлялась только при помощи лихтеров, по словам тех, кто видел их в деле, очень подходящих также для перевозки десантников и даже лошадей и артиллерии, их там было достаточно много. Оставалось убедить японцев поделиться.

Конечно, такая выходка не останется незамеченной, но это было нам только на руку. Кроме нарушения японского железнодорожного сообщения и решения интендантских задач, атака этого порта позволит также оттянуть японские силы, базирующиеся на Хакодате, к югу, открыв пролив.

Учитывая важность этой акции, для прикрытия крейсеров сначала даже выделялся «Николай I», который должен был продолжить работы со своей артиллерией уже в походе. Но затем от этого прикрытия вообще отказались, так как один старый тихоходный броненосец только задерживал бы наши легкие силы, будучи не в силах их защитить при встрече с японскими тяжелыми кораблями.

Вместо него в отряд, атакующий Наойецу, включили пароходы «Иртыш» и «Корея», которые должны были заняться сбором трофеев, освободив от этого крейсера, имеющие свои задачи. Закончив с трофеями, пароходы должны были отделиться от отряда и самостоятельно следовать круглыми путями в залив Посьет, с таким расчетом, чтобы приблизиться к нашим берегам уже в темноте. Это существенно снизит риск их возможного перехвата японцами. На рейде Паллада их будут ждать наши миноноски и катера, которые проведут их на рейд Посьет, гораздо лучше закрытый со стороны моря. В случае благоприятного развития ситуации крейсера нагонят транспорты и проводят их сразу во Владивосток.

Для проведения рейда к Наойецу с ремонта выводились «Олег» и «Богатырь». На «Олеге» радиостанция уже была смонтирована, а наладочные работы можно

было выполнить и в море с заводской бригадой от фирмы «Телефункен» на борту. «Богатырю» же предстояло идти в рейд частью с пустыми орудийными позициями, так как казематные пушки взамен снятых еще не поставили.

Риск считался оправданным, так как от тяжелых японских кораблей эта пара могла легко оторваться, обладая преимуществом в ходе. А контр-адмиралу Уриу с его крейсерами было не выгодно ввязываться в бой с двумя нашими шеститысячниками по причине тихоходности двух из четырех его крейсеров. Обладавшие самой мощной артиллерией из восьми шестидюймовок «Нанива» и Такачихо» могли держать боевой ход не более 16 узлов. А двадцатиузловые «Цусима» и «Акаси» наши башенные бронепалубники превосходили по всем показателям.

В то же время сведенные в один отряд «Светлана», «Аврора», «Жемчуг» и «Изумруд», которые должны были действовать непосредственно в проливе Цугару, также могли уйти от броненосцев и броненосных крейсеров, а уцелевших японских бронепалубников серьезно превосходили по числу орудий и скорости, что позволяло либо избежать боя, либо навязать его на выгодных для нас условиях.

Заседание оперативного штаба, специально посвященное этому вопросу, началось рано утром 6 июня и продолжалось более 4 часов. Окончательным планом операции предусматривалась атака Наойецу «Олегом» и «Богатырем» с пароходами «Иртыш» и «Корея» под общим командованием командира «Олега» капитана первого ранга Добротворского около полудня 8 июня. Это должно было отвлечь силы японского флота от пролива Цугару на север, для облегчения прорыва конвоя. После чего остальные крейсера, под командованием капитана первого ранга Егорьева командира «Авроры» встречали вспомогательные крейсера и пароходы в самом проливе.

Крейсера Добротворского, по плану, высаживали в порту десантные роты из своих экипажей и штурмовую группу из штрафников-добровольцев, которые должны захватить и взорвать вокзал и железнодорожную станцию. Затем десант на трофейных десантных плавсредствах возвращался на крейсера и повторно высаживался у тоннелей на участке железной дороги, идущей вдоль морского побережья севернее порта.

Действуя таким образом, десантники должны были захватить как можно больше тоннелей, подорвать их и вернуться на корабли еще до заката. Все это время

пароходы, также высаживающие на берег десантные партии одновременно с крейсерами, будут заниматься сбором всего, что можно использовать в наших портах.

Для приемки на борт как можно большего числа шлюпок, для быстрой высадки крейсера уже вернули на прежние места снятые шлюпбалки и разобранные роостры. Хотя по новому боевому расписанию на них должен был быть только один катер и два баркаса для сообщения с берегом и высадки досмотровых партий, в этот поход они отправлялись с полным шлюпочным вооружением.

Первая часть операции сильно зависела от состояния моря. В случае невозможности высадки порт следовало только обстрелять с крейсеров, а атаку тоннелей вообще отменить. Новую шрапнель и переделанные снаряды при обстреле использовать запрещалось категорически.

Во-первых, их было еще недостаточно, и в боекомплекте крейсеров они составляли пока всего треть от общего числа, а на броненосцах и того меньше.

Во-вторых, считалось не желательным открывать раньше времени возросшую за счет замены взрывателей и начинки снарядов огневую мощь.

После Наойецу пароходы, имевшие теперь по паре стодвадцаток и довесок из мелких калибров, должны были бегло осмотреть залив Тояма, с целью разрушения навигационных сооружений, нарушения судоходства и промысла, после чего полным ходом следовать на запад-северо-запад. А «Олег» и «Богатырь», двигаясь всю ночь вдоль берега на север до порта Ниигата, должны были перехватывать все встречные суда и разрушать береговые навигационные объекты.

Достигнув Ниигата, крейсерам следовало уничтожить все суда в гавани, после чего атаковать заливы Рёцу и Мано у острова Садо, где предполагалось наличие большого количества мелких каботажных и рыболовных судов, и возвращаться домой. В случае встречи со значительными силами противника полным ходом отходить к западу и далее следовать во Владивосток.

С пароходами планировалось встретиться в ста милях к югу от залива Посьет до заката 10 июня. Если до истечения этого срока крейсера так и не появятся, «Иртыш» и «Корея» дальше идут самостоятельно. Таким образом, основными

задачами двух лучших русских бронепалубных крейсеров и приданных им пароходов были чисто отвлекающие действия, обеспечивавшие относительную свободу основной группе.

Одновременно с выходом в море отряда Добротворского оставшиеся 4 наших крейсера и «Урал» должны были скрытно выдвигаться к острову Окусири, лежащему в 45 милях к северу от пролива Цугару. Луна еще только нарождалась, и света от нее было мало, а вторая половина ночи вообще должна была быть темной. Так что, несмотря на близость берега, эта позиция была достаточно безопасна и позволяла избежать встречи с японцами, если те выйдут из Хакодате на перехват «Богатыря» и «Олега». Достигнув острова к наступлению темноты 8 июня, Егорьев должен был спуститься к югу и, пройдя между островами Косима и Осима, к рассвету 9 июня быть западнее пролива и передать станцией «Урала» приказ на прорыв для конвоя со своими позывными.

Согласно предварительному плану капитана второго ранга Трояна, изложенному в шанхайской телеграмме, к ночи с 8 на 9 июня наши корабли в Тихом океане должны будут собраться в 40 милях к юго-западу от мыса Эримасаки, в стороне от судоходных трасс, и быть готовы к форсированию пролива.

Учитывая большую дальность действия станции беспроволочного телеграфа «Урала» считалось, что телеграмма будет наверняка получена на вспомогательных крейсерах. При некотором везении возможно даже получение ответа, так как по паспортным данным станции «Кубани» и «Риона» должны доставать на полторы сотни миль. Правда, на практике это еще не проверяли. Опыты на Балтике были только до 80 миль, а в походе проверить их на предельную дальность не было возможности.

Далее наш второй отряд, в зависимости от обстановки, идет навстречу конвою или ждет у западного устья, прикрывая прорыв от возможных атак из Японского моря. После встречи крейсера обеспечивают охрану конвоя и ведут его в залив Ольги, где встречаются с «Николаем» и истребителями.

Возвращающиеся от японского побережья «Олег» и «Богатырь» тем временем проводят разведку в районе Владивостока и восточнее и обеспечивают дальнейшее прикрытие конечного участка перехода из залива Ольги во Владивосток. Связь между собой Добротворский и Егорьев должны были установить по радио уже у наших берегов. В открытом море вести переговоры разрешалось только

Добротворскому.

После окончательного согласования плана операции с командирами отрядов и всех задействованных в ней кораблей заседание закончилось, и офицеров отпустили по «домам», готовиться к походу. Времени для этого оставалось совсем мало. Впрочем, все виды снабжения были уже на борту, люди тоже, так что нужно было лишь развести пары в котлах да получить «добро» на выход от трального дивизиона.

«Николай I» с истребителями вышли в море еще ночью. Чтобы не «светиться» на виду у города, броненосец со своим эскортом проследовал за тральным караваном из миноносок Амурским заливом до островов Римского-Корсакова, после чего повернул на северо-восток. На борту имелся особый груз для гарнизона залива Ольги, состоящий из шести скорострельных шестидюймовых орудий с «Осляби», которые должны были в ближайшее время установить на уже готовившихся там позициях береговой батареи.

Рано утром, тем же протраленным фарватером, покинули бухту Новик и крейсера, следуя в кильватер за пароходами. С самого начала шли в тумане малым ходом. В 08:15 с правого борта неожиданно близко показался мыс Брюса. Определившись по нему, встали на якорь, ожидая улучшения видимости и известив о задержке штаб по радио. Однако туман только уплотнялся. Спустя полчаса пришли два миноносца, с приказом провести караван между островами немедленно. Далее шли уже с туманными буями и довольно скоро обогнули острова Римского-Корсакова, не видя их в дымке.

Дальше, уже расставшись с миноносцами, тоже шли осторожно, все так же в одной колонне, держа интервалы. Несмотря на сразу обозначившееся отставание от графика, хода не добавляли. Проверяли работу всех механизмов и рулевых приводов. Все же ремонт был очень спешным. Могли и недоглядеть. Однако все работало исправно. Обороты винтов соответствовали скорости хода, перерасхода ни по углю, ни по воде тоже пока не было.

К полудню туман стал реже. Получив к этому времени оптимистичные доклады от командиров подчиненных им кораблей и от своих механиков, Добротворский и Егорьев стали чувствовать себя увереннее. Скорость сразу увеличили, и отряды разделились. «Олег» с «Богатырем» ушли вперед, подняв ход сначала до 10, а потом и до предельных для транспортов 13 узлов, и быстро пропали из вида. А Егорьев, не спеша, повернул на восток.

* * *

Отделившись от главного отряда, башенные крейсера и транспорты-трофейщики развернулись в завесу, держась на пределе видимости друг от друга, чтобы перекрыть бо?льшую площадь моря. Погода все время улучшалась, но горизонт был пуст. До вечера видели лишь один парус на западе, но поскольку уже смеркалось, от сближения с ним отказались.

Ночь также прошла спокойно. До полуночи крейсера и пароходы шли при луне строем фронта с интервалом в 3 мили – дальность уверенного чтения световых сигналов, так как радио пользоваться пока было нельзя. При этом транспорты держались в середине строя, прикрытые с обоих бортов крейсерами. Ущербная луна в первой четверти временами скрывалась за облаками, так что несколько раз теряли из вида друг друга. Поэтому после полуночи, когда она закатилась за горизонт, встали рядом, держа интервал в три – пять кабельтовых и шли так до рассвета. Но утром снова разбежались на предел видимости.

В 07:40 с шедшего правым в строю «Богатыря» обнаружили двухмачтовую шхуну, продвигавшуюся на юг. Быстро приблизившись, с крейсера высадили призовую партию и сразу выяснили, что шхуна идет из Аомори в Майдзуру с грузом риса. Японский экипаж свезли на «Богатырь», а шхуну укомплектовали перегонной командой, которая повела трофейное судно во Владивосток.

Почти все японцы пробыли на борту крейсера недолго и были высажены уже через несколько часов в виду японского берега в буксируемую до тех пор свою же шлюпку. Только капитан и, по совместительству, владелец судна был оставлен в плену, так как уже неоднократно ходил по этому маршруту и мог многое рассказать о майдзурском фарватере и вообще о заливе Вакаса.

Закончив с призом, «Богатырь» дал полный ход и пошел догонять отряд. К этому времени «Корея» также остановила шхуну. Быстро выяснилось, что это рыбаки, и их также перевезли сначала на пароход, а потом пересадили в шлюпку, указав направление на шлюпку с экипажем первой шхуны. Само судно потопили подрывными патронами, так как оно было старое и ценности как приз не представляло.

В начале десятого из дымки справа показались вершины гор на острове Садо и паруса еще двух судов. Сближаться с ними не стали из-за нехватки времени, отпустив шлюпки с экипажами. Здесь им уже ничего не угрожало, и добраться до берега или ближайших судов погода вполне позволяла. Вскоре впереди открылся и сам японский берег. Определившись по характерным вершинам впереди и по маячившему за кормой острову Садо, выяснили, что вышли несколько севернее расчетной точки и довернули вправо, добавив хода.

К половине первого часа дня отряд был уже в виду порта. Погода стояла тихая, поэтому начали готовить шлюпки и разводите пары на катерах. Десантные партии были уже на палубах. Подойдя к берегу, насколько позволяли глубины, встали на якорь и начали спускать плавсредства. Рейд Наойецу был пуст, только несколько небольших судов пытались скрыться в устье реки Секи. С обезлюдившего, при виде наших кораблей, берега никто не стрелял. Мы тоже огня пока не открывали, но орудия держали в готовности.

Условия для высадки были вполне благоприятными, поэтому тянуть с этим не стали. С транспортов планировали катерами высаживать по 120 человек добровольцев из экипажей выведенных из боевого состава кораблей. Каждый крейсер высаживал по 40 человек из своих команд, плюс по 60–70 штрафников-добровольцев.

Однако сразу все силы десанта бросать в бой не стали, предприняв разведку боем. Едва успели спустить пустые катера с «Иртыша» и «Кореи», по сигналу с «Олега» их приказали порожняком перегнать к борту флагмана отряда. Там они сразу взяли на буксир гребные суда с крейсеров. В первой волне шли только штрафники, и лишь резервные гребцы на веслах были из экипажей «Богатыря» и «Олега».

На побережье, между тем, началось какое-то движение. Перебегали люди, группами и по одному. Когда катера и ведомые ими на буксире баркасы почти достигли полосы несильного прибоя, из-за шаланд, лихтеров и сайпанов, в большом количестве стоявших на якорях у самого уреза воды и лежавших на пляже вверх дном, грянул ружейный залп, затем сразу еще один.

С наших катеров в ответ грохнули десантные пушки и открыли огонь пулеметы. Их снаряды и очереди ложились с большим разбросом, так как шлюпки изрядно качало прибоем, но, даже несмотря на это, следующие японские залпы были уже не такими дружными и почти не прицельными. А когда в гущу деревянной

портовой мелочи легли 8 шестидюймовых снарядов бортового залпа «Олега», взметнув столбы грязи воды и щепок, стрельба пошла вразнобой и стала чисто демонстративной.

Этим десант было уже не остановить. Занявшие оборону японцы, угодив под обстрел с крейсера, оказались полностью деморализованы. Поняв, что высадки им не предотвратить, они пытались отступить к постройкам, но были вскоре смяты стремительной атакой добравшихся наконец до берега штрафников.

Ружейная перестрелка с коротких дистанций быстро перешла в рукопашную, после чего оборона была окончательно сломлена. Некоторая часть обороняющихся успела скрыться среди разбросанных по берегу сараев и складов, но более тридцати человек были взяты в плен.

Из оказавшихся на берегу десантников по-японски никто не знал ни слова, но из внешнего вида пленных и убитых противников был сделан вывод, что гарнизон порта состоит из полицейских и ополченцев. Вооружены они были плохо, в основном старыми ружьями «Мурата». Никакой артиллерии или пулеметов не было.

Преодолев сопротивление на берегу, первая волна быстро захватила портовые склады и товарную станцию, обезоружив и заперев полностью сломленных ополченцев из станционной охраны в каменном складе. О неожиданно большом успехе разведки сразу доложили флажным семафором, получив приказ закрепиться. Подходы к порту и железной дороге прикрыли пулеметами, на берегу начали готовить позиции для батареи из десантных пушек, а катера тут же ушли к крейсерам за вторым эшелоном десанта.

Когда они вернулись с моряками и взрывчаткой для минирования станционного оборудования, в порту уже стояли около двух десятков трофейных повозок, а на станции дымил готовый к отправке железнодорожный состав, стоящий на путях, ведущих в Ниигата.

Командовавший штрафниками бывший комендор с «Орла» Иван Расторгуев предложил оригинальный план, серьезно упрощавший все мероприятие. Учитывая, что удалось с ходу взять и порт и станцию со всеми её стрелками и разъездами, да к тому же целый, почти разгруженный эшелон, он предлагал прокатиться до тоннелей по железной дороге, а не терять время на амбаркацию

и последующие высадки у тоннелей.

Поскольку после разгрома местного гарнизона подвоз подкреплений к японцам был возможен лишь по рельсам, то на юг можно было отправить один из имевшихся на станции маневровых паровозов и, взорвав его на путях, заблокировать дорогу. А на север, к следующим целям, двинуться на поезде, сократив до предела число вагонов и пустив вперед в качестве разведки еще один маневровый паровоз, найденный здесь же на станции.

Это позволяло избежать перетаскивания взрывчатки с берега к железнодорожному полотну, с комфортом доставив ее прямо из порта к месту диверсии. Экономия по времени получалась огромной, особенно учитывая, что единственным подходящим местом для высадки подрывников, известным нам, был пляж Агева, милях в десяти к северу. Он находился между двумя тоннелями (первым и вторым от порта). Где свозить на берег людей и динамит дальше, еще только предстояло решить, обследуя вражеское побережье.

Выехав со станции на поезде, можно было быстрее добраться до гораздо большего числа тоннелей. После чего останется только разгрузить взрывчатку из вагонов прямо в тоннелях и, подорвав в одном из них паровоз-разведчик, обезопасить себе обратную дорогу. Не опасаясь погони со стороны Ниигата, остальные тоннели можно будет заминировать гораздо более основательно.

Добротворский тут же одобрил эту идею, приказав немедленно свозить на берег весь имевшийся пироксилин и динамит. «Богатырю» теперь предписывалось охранять порт и начавшие сбор добычи транспорты, а начальник отряда на «Олеге» двинулся вдоль берега на север, чтобы попытаться перехватить возможные японские встречные поезда, идущие в зоне досягаемости орудий крейсера.

Это было вполне выполнимо. Навигационных опасностей вдоль берега не было, а участок железной дороги, выходящий севернее Наойецу на побережье, с моря просматривался достаточно хорошо. Именно на этом приморском участке и располагались нужные нам восемь тоннелей.

От трофейного эшелона отцепили девять еще не до конца разгруженных вагонов, тут же заминировав их прямо на путях, а все оставшиеся штрафники тут же загрузили ящиками с взрывчаткой, постоянно подвозимой из порта,

и сразу двинулись на север.

Последние два ящика пироксилиновых шашек минеры с «Богатыря» уложили в паровоз, над которым уже успели поднять Андреевский флаг. Сразу после этого он отправился в противоположном направлении в сопровождении восьмерых матросов, ехавших верхами и ведущих еще двух лошадей в поводу.

Станция и прилегающие к ней улицы после появления моряков совершенно опустели. А завидев флаг на паровозе, местные жители в панике начали покидать свои дома и бежали из города. Спустя час с юга докатился глухой рокот мощного взрыва, а вскоре показались десять всадников, лихо пронесшихся по шпалам к станции. Отогнав паровоз на 20 верст, моряки подорвали его, так же как и пути под ним, после чего быстро вернулись на станцию, доложив о толпах народа, бегущих с окраин.

Груженный взрывчаткой поезд, тем временем, двигался на север, вслед за паровозом с несколькими стрелками на нем, являвшимися передовым дозором. Вскоре достигли приморского отрезка пути и расположенных на нем тоннелей. В каждом тоннеле поезд останавливался, отгружая часть взрывчатки и высаживая группу прикрытия из нескольких бойцов, и шел дальше. Встречных поездов не было, а слева все время маячил трехтрубный силуэт «Олега», с которым поддерживалась постоянная связь фонарем.

Однако, только выйдя из третьего тоннеля, головной паровоз угодил под ружейный огонь из засады и едва смог заползти обратно в его тень. Соскочившие с него разведчики организовали заслон у входа, где уже рвались снаряды шестидюймовок «Олега» открывшего заградительный огонь.

С остановившегося эшелона штрафники быстро сгрузили несколько ящиков взрывчатки, сложив ее под колеса парившего пробитым котлом паровоза-разведчика, и запалили шнуры, после чего сняли заслон и дали задний ход. Когда уже отъехали на полверсты от черного зева тоннеля, рвануло так, что показалось будто поезд подпрыгнул на рельсах. С «Олега» хорошо видели, как взрывом вышибло огромные тучи пыли с обеих сторон тоннеля и обрушило свод его северного входа, что полностью исключало вероятность погони.

Крейсер, выпустив еще несколько снарядов, развернулся и лег на обратный курс, а десантники, пятясь по рельсам назад, уже в спокойной обстановке

заминировали и подорвали оба оставшихся тоннеля и вернулись в город, но на этот раз уже угодив под ружейный огонь на окраинах. Пробитый пулями паровоз едва дотащил свои опустевшие вагоны до станции. Трое штрафников из прикрытия подрывной команды были ранены, один убит.

Ожидавшихся атак остатков японского гарнизона на занимавших круговую оборону на железной дороге и в порту моряков так и не было. Со станции на тех же трофейных повозках подрывная команда вместе с охранными отрядами и пулеметами вернулась в порт, взорвав паровозы, вагоны на рельсах, склады и стрелки. Сразу начали свозить людей на крейсера и транспорты. Обрато на корабли десант вывезли уже за один раз. Катера тащили по паре кинугасов, а баркасы шли на веслах.

За время «круиза» по рельсам к тоннелям, на рейде Наойецу перегнали к «Иртышу» и «Корее» и даже к «Богатырю» все, что могло быть полезно при перевозке грузов с берега на корабль и обратно, и что было можно поднять на палубы пароходов и крейсеров их грузовыми стрелами. Это все постоянно принимали на борт и сразу раскрепляли по-штормовому, на всякий случай. Вернувшийся флагман отряда также приступил к приему трофеев.

Довольно быстро на обоих крейсерах ростры и палубы на шканцах были дополнительно завалены плоскодонными кинугасами. Они были неказисты на вид, но прекрасно построены и хорошо держались на волне, обладая приличной вместимостью до 50 человек. При необходимости они могли использоваться даже для перевозки лошадей и прочих грузов. Более крупные лихтеры опускались в трюмы и поднимались на палубы транспортов, также уже забитые уложенными в два ряда суденышками.

Все, что не могли взять с собой из порта сразу после возвращения подрывников подожгли, так же как и портовые склады, предварительно выпустив пленных. К дыму пожаров на станции добавился еще и густой шлейф с берега. Несмотря на то, что пожары начали тушить сразу после отхода последних русских шлюпок и с крейсеров этому никак не препятствовали, они только набирали силу.

К наступлению темноты все уже были на борту. Пароходы и крейсера дали ход. Аккуратно выйдя на большие глубины, отряд разделился. Добротворский приказал транспортам следовать сразу к русскому побережью, отказавшись от осмотра залива Тояма, поскольку толку от ночного рейда было мало, а он опасался скорого появления японских крейсеров, которые, по его мнению,

непрерывно караулили где-то поблизости. Воспользовавшись тем, что тучами совершенно закрыло луну, пароходы должны были за ночь как можно дальше уйти в море.

Крейсера, тем временем, повернули на север, идя вдоль, едва видимого в темноте справа по борту, берега. Где-то слева, милях в двенадцати – пятнадцати был остров Садо. Зарево пожаров в японском порту уходило за корму, но его отсветы, отражавшиеся в тучах, еще долго были видны. Беспроволочный телеграф принимал сигналы японского телеграфирования, из чего был сделан вывод о близком присутствии японского флота, хотя они и были слабыми.

Почти сразу после отхода от Наойецу наткнулись на большую трехмачтовую шхуну, груженную рыбой, жмыхом и циновками. Остановивший ее «Олег» спешно ссадил японцев в шлюпку, а шхуну потопил огнем из 75-мм орудия. Пленных с нее не брали, спеша быстрее покинуть этот район.

В течение часа пытались связаться по радио с Владивостоком, чтобы запросить дальнейших инструкций, но безуспешно, несмотря на то, что до него было гораздо меньше обещанных немцами 600–700 миль гарантированной связи. Имевшуюся на борту сдаточную команду радиотелеграфа вызвали к Добротворскому, где они получили серьезное внушение, после которого ковырялись со своей техникой всю ночь и половину следующего дня, пока не удалось, наконец, отправить в штаб депешу и получить квитанцию о ее приеме. Но к этому времени крейсера уже шли к родным берегам.

Пока специалисты исправляли радио, Добротворский, не имея четких приказов сверху, собрал из офицеров крейсера военный совет. На нем обсудили сложившуюся ситуацию, и в итоге, уже после полуночи, было принято решение все же продолжить рейд и действовать далее по первоначальному плану. Даже если японцы и были близко, не связанные ничем, крейсера имели все шансы оторваться от погони.

Всю ночь шли ввиду берега экономическим ходом. Сигнальные вахты были усилены, но кроме двух гирлянд из слабых огней, являвшихся видимо рыбацкими флотилиями, никого больше не видели. Никаких навигационных и других огней на берегу также не заметили.

С рассветом ввели в действие все котлы, чтобы иметь возможность дать полный ход. К этому времени уже открылся входной маяк Ниигата. Пока приближались к порту, достаточно развиднелось, чтобы разглядеть на его совершенно открытом рейде три небольших парусных судна, стоявших на якорях, два парохода тонн по 300–350 и множество рыбацкой мелочи.

Вероятно, о возможном появлении крейсеров местные власти были предупреждены, так как каботажники были уже под парами и сразу начали движение к устью реки Агано, явно намереваясь там спастись от наших снарядов, а на большей части небольших судов начали ставить паруса и выбирать якоря.

Подойдя на 30 кабельтовых, «Олег» и «Богатырь» открыли огонь из 152- и 75-мм. орудий. Рейд быстро пустел. Мелкая парусная мелочевка расплзлась вдоль берега и втягивалась вверх по реке Агано, а также более мелководной Шинано, впадавшей в море менее чем в двух милях к юго-западу от порта. Ответного огня не было, поэтому вскоре крейсера подошли ближе и застопорили машины, чтобы иметь оптимальные условия работы для расчетов.

Стреляли не часто, но максимально прицельно. Старались не задеть городских кварталов, поэтому большая часть снарядов ложилась с недолетами на рейде. Из-за утренней дымки результатов огня толком не видели, хотя по докладам артиллерийских офицеров из рубок на мачтах всплески были все время где-то у бортов разбежавшихся суденышек. Три из них, стоявшие в порту, возможно даже затонули, так как их мачты быстро пропали из вида. За 40 минут выпустили в общей сложности 172 снаряда и начали отходить, взяв северный курс. На отходе обстреляли маяк, добившись даже прямого попадания, после чего его верхняя площадка обрушилась.

Море было спокойным. Видимость около 80–90 кабельтовых. Считая свой отряд достоверно обнаруженным противником еще вчера и в любой момент ожидая появления японских броненосных крейсеров, могущих отрезать его от Владивостока, Добротворский решил не терять время на осмотр острова Садо, а направился полным ходом строго на северо-запад, прочь от берега.

Вскоре слева по курсу из легкой дымки, все еще державшейся над водой, стали видны вершины остроконечных гор острова Садо, а немного погодя справа открылись много уступавшие им по высоте вершины возвышенностей острова Авасимура.

Встреченную спустя час шхуну, шедшую судя по курсу из залива Рецу, потопили артиллерией, после того как ее покинул экипаж. Возиться с досмотром и захватом пленных не стали, так как считалось, что все передвижения отряда уже давно отслеживаются противником с все еще видимого за кормой японского берега и обоих островов слева и справа по курсу, а потому возможно скорое появление противника.

Хотя слышанного вчера японского радиотелеграфирования сегодня не было, многие думали, что береговые посты могут быстро навести японцев на нас и без этого. И радио они не пользуютя, чтобы не выдать своего присутствия. По горизонту никаких дымов или парусов, принадлежащих каботажникам, не видели. Вероятно, после набега на Наойецу японцы задержали все промысловые суда в портах и приостановили прибрежное судоходство.

Перед обедом, когда уже прошли между островами Садо и Авасимура, наконец-то удалось известить штаб о результатах рейда и получить приказ о возвращении. Крейсера начали склоняться еще больше к западу, продолжая отход к Владивостоку. К этому времени на «Олеге», несмотря на проведенный уже дома основательный ремонт главных механизмов, буквально пожиравших уголь на большом ходу, топлива оставалось в обрез лишь на обратную дорогу и резервные 300 тонн на случай боя.

Это вынудило снизить ход до экономического, едва пропали из вида вершины гор острова Садо, и отказаться от планировавшегося сопровождения своих транспортов на заключительном этапе их перехода, так как прийти до истечения контрольного срока в точку рандеву отряд уже не успевал.

На этом активная фаза операции для этой пары крейсеров закончилась. Если не считать небольшой заминки со связью, то все прошло даже лучше, чем ожидалось. После снижения хода «Олег» и «Богатырь» все же разделились и занялись поиском судов западнее японских берегов, но более никого не встретили и вернулись во Владивосток вечером 11 июня, переждав 8 часов у острова Аскольд, пока не разошелся туман.

Поскольку, опасаясь возможного перехвата крейсеров японцами, на последнем участке перехода и во время вынужденной стоянки у Аскольда во всех котлах держали пар на марке, чтобы иметь возможность немедленно дать полный ход в случае появления неприятеля, то в бухту Новик «Олег» вошел уже на

последних лопатах, буквально под метелку вычистив все свои угольные ямы. Причина такого перерасхода топлива была в низком качестве изготовления котлов, два из которых потекли за время рейда.

А группа встречи конвоя к этому времени уже привела вспомогательные крейсера и пароходы в залив Ольги, но в отличие от Добротворского, у Егорьева и его подопечных возникли серьезные трудности, несмотря на то, что с крейсерами Уриу так и не встретились. Был момент, когда казалось, что потери всех призов и «хлебного» немца не избежать. Буквально на волоске все висело.

Глава 6

Предварительный план возвращения вспомогательных крейсеров во Владивосток был разработан еще до их отделения от эскадры на переходе из Индокитая к Цусиме. Каждый пароход-крейсер получил свой район поиска и инструкции. В конце мая они должны были собраться вместе в заранее назначенной точке юго-восточнее острова Сикоку и идти к своей новой базе через Цугарский пролив или Курильские острова.

Но при этом, попутно, планировалось атаковать тихоокеанские коммуникации противника и восточное побережье Японии. Крейсеру «Терек» отводился район поиска, примыкавший к Осакскому заливу, «Рион» должен был уничтожить железнодорожные мосты в лагуне Хамано, чуть южнее входа в Токийский залив. Остальные 2 крейсера скрытно выдвигались для поиска японских судов и контрабандистов к северо-востоку от Токийского залива, где должны были начать действовать одновременно с атакой на мосты Хамано, чтобы не встревожить раньше времени японскую береговую оборону.

Первым в точку randevу 30 мая прибыл «Кубань». Он покинул эскадру раньше всех еще 8 мая, оставшись с перехваченным пароходом «Ольдгамия», для охраны и перегрузки угля. Но из-за погоды провести бункеровку удалось лишь на следующий день, после чего крейсер отпустил своего подопечного в самостоятельное плавание и приступил к поиску, двинувшись в Тихий океан.

С 14 мая он действовал на торговых путях Йокагама – Гонолулу. Но все время держалась отвратительная погода. Видимость не превышала 2–3 мили, а шторм

достигал 7 баллов. Единственный встреченный пароход даже не стали преследовать, из-за невозможности высадки досмотровой партии.

Только 27 мая около двух часов пополудни, уже двинувшись к месту встречи, в проливе Биллингтон обнаружили дым на горизонте, оказавшийся германским пароходом «Сурабайя», шедшим из Гамбурга с грузом муки для Владивостока. Капитан парохода с радостью согласился проделать остаток пути под охраной русского вооруженного парохода. Далее оба судна следовали уже вместе.

На следующий день появился «Терек». Он был более удачлив. Утром 23 мая он встретил британский пароход «Икона», везший 70 000 мешков рангунского риса, а также 22–120-мм и 16–57-мм орудия. После досмотра и снятия экипажа пароход был потоплен подрывными патронами. Обременять себя опекой тихоходного транспорта капитан второго ранга Панферов не решился, рассчитывая на новые более значимые трофеи.

Однако следующим остановленным судном оказался американский пароход «Ямайка», встреченный только через несколько дней. Правда, контрабанды там не оказалось. Зато его капитан рассказал, что у Курильских островов, откуда он сейчас идет, появились дозорные японские суда, блокирующие проливы. Более до истечения времени крейсерства контактов не было.

После встречи все три корабля разошлись веером, держась в 6–7 милях друг от друга, чтобы перекрыть большой сектор моря, для скорейшей встречи с остальными двумя нашими крейсерами, и двинулись на восток. На встречу с пароходами, везущими запрещенные грузы, никто уже не рассчитывал. Наоборот. Опасались, что японцы предпримут активные поиски, и потому спешили убраться подальше.

К рассвету 1 июня станции беспроволочного телеграфа начали принимать обрывки чьих-то телеграмм. Они шли с неравными промежутками времени и походили на обмен информацией между отдельными судами. Хотя станции, работавшие в эфире, были подобны тем, что стояли на «Тереке» и «Кубани», была объявлена боевая тревога, и оба вооруженных парохода держались рядом с «Сурабайей». Но вскоре все разрешилось.

Минный квартирмейстер Чугунов с «Кубани» в трескотне атмосферных помех разобрал позывные «Днепра» и «Риона». А вскоре удалось полностью принять

и сами телеграммы, в которых указывалось их место по счислению, всего примерно в 35 милях восточнее. Уже к обеду удалось установить надежную радиосвязь, и к вечеру все крейсера собрались вместе.

За те два дня, что ушли на сбор всего отряда, экипаж «Кубани», измотанный затяжным штормом, успел, хотя бы немного отдохнуть. Теперь можно было сказать, что отряд вспомогательных кораблей полностью боеспособен, и даже пополнился численно. Вновь прибывшие корабли привели с собой два трофейных парохода.

«Днепр», оперировавший в Желтом море, после того как проводил в Шанхай наши разгруженные пароходы от эскадры, 22 мая перехватил пароход «Сент-Кулдо» с грузом контрабанды, а действовавший южнее «Рион» привел пароход «Силурним», взятый им в качестве приза еще 21 мая.

По результатам подведения итогов «Рион» оказался самым удачливым из всех. Кроме трофея, он 16 мая перехватил еще и германский пароход «Тетартос», потопленный после осмотра. Его груз, преимущественно из запрещенных к ввозу в Японию грузов, и почти пустые угольные ямы не оставляли выбора. Экипаж перевезли на борт крейсера и теперь ждали удобного момента для переправки его на берег.

С последними двумя крейсерами в точку рандеву пришел также наш пароход «Граф Строганов», доставивший свежие продукты, почту из Шанхая и достоверные сведения о цусимском бое. До этого приходилось довольствоваться устаревшими и противоречивыми сведениями из иностранной прессы. Уже на подходе к району сосредоточения пароход обнаружили с «Кубани» и проводили до точки сбора.

Его появление в этом районе было совершенно неожиданным. Никакого дополнительного снабжения или новых инструкций изначальным планом не предусматривалось. Но вскоре выяснилось, что его капитану прибывшим из Владивостока посыльным офицером от Рожественского был доставлен пакет с приказом следовать в точку рандеву и сообщить командирам крейсеров последние новости о сложившейся ситуации и предварительные итоги боев в Цусимских проливах и их окрестностях.

Также капитану парохода было приказано передать приказ о скорейшем возвращении вспомогательных крейсеров во Владивосток, для чего запрещалось задерживаться в ранее назначенных районах поиска, ограничившись лишь запланированным набегом на коммуникации и побережье.

В полученном приказе говорилось, что атака железнодорожных мостов и дамб в лагуне Хамано является приоритетной и, в случае наличия возможности проникновения в лагуну, должна быть выполнена в любом случае. Считалось, что в ходе продолжения кампании такой возможности больше не представится, из-за чего упускать ее было нельзя.

Встретившись, все семь судов легли в дрейф, а на борту ставшего теперь флагманом отряда «Риона» состоялось совещание командиров, на котором был доработан изначальный план возвращения. Диспозиция в принципе на менялась. Но теперь, сразу после атаки Хамано, намеченной на утро 24 мая, все корабли должны были в течение суток покинуть район поиска, производя там как можно больше шума, и следовать сразу к Цугарскому проливу.

По новому плану, с «Кубанью» и «Днепром» шли все тихоходные призы и «хлебный немец», поэтому их главной задачей была их охрана, а не рейдерство. Действия на вражеских коммуникациях сводились к их простому пересечению в северном направлении с осмотром моря лишь на ширину видимости. К западному устью пролива эта часть отряда должна была прибыть к 9 июня.

К этому времени туда уже должны будут подойти остальные корабли отряда, закончившие выполнение своих задач. Там предполагалось провести разведку или, воспользовавшись сведениями, полученными от возможных пленных, приступить к форсированию пролива, либо двинуться к Курильским островам. Но это было нежелательно, поскольку неминуемо вело к потерям.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вице-адмирал Бирилев в реальной истории был назначен командующим Тихоокеанским флотом точно в то же время. Но когда он прибыл на место, командовать было уже нечем. После визита с осмотром на одну из лодок, только что вернувшуюся из похода, он испачкал в масле мундир и перчатки, устроил разнос командиру лодки и объявил в приказе по крепости Владивосток: «...Такие офицеры позорят флот! Им не место в крепости!».

2

Эти опыты были проведены во Владивостоке силами отряда крейсеров летом 1905 года. По их итогам командовавший отрядом контр-адмирал Йессен писал: «Результаты испытаний вполне подтвердили все предположения о совершенной недействительности фугасных снарядов нашего флота в сравнении с японскими». Акт о произведенных опытах он называл «прямо обвинительным и развертывающим ужасающую картину причин последовательных наших неудач и поражений на море в продолжение всей этой войны». В дальнейшем, после серии опытов с различными взрывчатыми веществами, проведенных уже МТК, было признано самым целесообразным и безопасным заменить пироксилин на порох. Такие снаряды оставались на вооружении до принятия в 1907 году новых тротиловых.

3

В конце 1904 – начале 1905 года в крепости Владивосток произошли революционные волнения, ставшие причиной смещения с должности прежнего коменданта генерал-лейтенанта Воронца.

Подобным образом были перевооружены некоторые уцелевшие балтийские миноносцы типа «Пернов» перед Первой мировой войной.

Купить: https://tellnovel.com/ru/protasov_serгей/cusimskie-hroniki-novye-zemli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)